ЗЕЙН ГРЕЙ

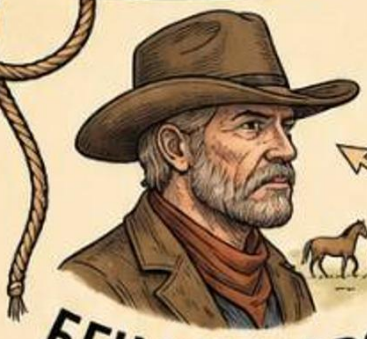
ТАИНСТВЕННЫЙ ВСАДНИК



РОМАН О ЧЕСТИ, ЛЮБВИ И СУРОВЫХ ЗДИКОГО ЗАПАДА



ТАЙНА И ИСКУПЛЕНИЕ.



БЕН УАЛЬДРОН



КОЛОМБА БЕЛЛБАУНД



ПРЕКРАСНОЕ ИЗДАНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ, ВЫДЕРЖАННОЕ В ДУХЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА ВЕСТЕРНА



Зейн Грей

Таинственный всадник

«Автор»
2026

Грей З.

Таинственный всадник / З. Грей — «Автор», 2026

Роман «Таинственный всадник» (1921) — подлинная жемчужина золотого века американского вестерна, созданная классиком жанра Зейном Греем. Действие разворачивается на фоне суровых, величественных пейзажей Вайоминга, где разгорается жестокая борьба за землю, воду и выживание между крупными скотопромышленниками и независимыми фермерами. В центр этих драматических событий попадает загадочный одиночка Бен Вальдрон — человек с тяжелым прошлым и опасной репутацией, который скрывается в глубоких каньонах. Не желая оставаться в стороне, он становится невидимым защитником юной Коломбы Беллбаунд. Эта захватывающая история о чести, искуплении старых грехов, преданности и истинной любви мастерски передает атмосферу Дикого Запада, где слова ценятся на вес золота, а справедливость вершится силой духа и мужеством.

© Грей З., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I 7
Глава II 18
Глава III 32
Глава IV 39
Глава V 52
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Зейн Грей
Таинственный всадник

Предисловие переводчика



Имя американского писателя Зейна Грея прочно ассоциируется с золотым веком литературы о Диком Западе. Именно он превратил традиционный «ковбойский роман» в глубокое, драматичное эпическое полотно, где суровая борьба за выживание на фронтире переплетается с исследованием человеческой чести, благородства и искупления.

Роман «Таинственный всадник» (The Mysterious Rider), впервые увидевший свет в 1921 году, по праву считается одной из вершин творчества Грея. Действие книги разворачивается в живописной, но безжалостной долине Кактусов в штате Колорадо — крае, где закон устанавливают те, кто быстрее стреляет, а чужие тайны принято уносить с собой в могилу. В центре повествования — загадочный одиночка Бен Рид, человек с темным прошлым, чье внезапное появление в долине переворачивает жизни местных обитателей. Стержень сюжета — не просто череда погонь и перестрелок, а мощная шекспировская драма отцов и детей, столкновение корысти с искренней преданностью и поиски прощения там, где, казалось бы, все мосты уже сожжены.

Работая над переводом этого произведения, мне хотелось бережно сохранить уникальную интонацию автора — его поэтичное, почти трепетное отношение к дикой природе американского Запада и в то же время напряженный, кинематографичный динамизм сюжетных поворотов. Зейн Грей мастерски рисует пейзажи, которые становятся полноценными участниками драмы: от знойных прерий до неприступных горных круч.

Надеюсь, что русский читатель по достоинству оценит эту историю о сильных характерах, искренней любви и тайне, которая способна как разрушить жизнь, так и принести долгожданное освобождение. Добро пожаловать на Дикий Запад начала прошлого века.

Владимир Давыдов

Глава I

Сентябрьское солнце, утратившее часть своего тепла, но нисколько не поблекшее, медленно опускалось на западе за чёрные хребты Колорадо. В лесистых ущельях сгущалась лиловая дымка. Серые предгорья, округлые, словно застывшие волны, плавно сбегали с высокогорья. Их длинные бархатистые склоны перемежались одинокими осиновыми рощицами, пылавшими осенним золотом. Красноватые пятна вьющихся растений оживляли мягкую серость полыни. Над долиной возвышалась Старая Белая Лавина — гора, изрезанная следами снежных обвалов. Её суровая скалистая вершина заслоняла долину от северных ветров.

По склону ехала девушка. Её взгляд скользил по необъятным просторам, горным грядам и богатству красок того сурового края, который был её домом.

Она следовала старой тропой, ведущей к скалистому выступу над одним из ответвлений долины. Когда-то девушка часто приезжала сюда, но в последнее время избегала этого места. С ним были связаны серьёзные события её жизни.

Семь лет назад, когда ей исполнилось двенадцать, именно здесь она приняла трудное решение, желая угодить своему опекуну — старому скотоводу, которого любила и называла отцом. И он действительно заменил ей отца. Тогда она согласилась уехать учиться в Денвер.

Четыре года прожила она вдали от любимых серых холмов и чёрных гор. После возвращения лишь однажды поднималась на эту высоту, и тот день тоже остался в памяти как несчастливый. Это было три года назад.

Теперь девичьи испытания и горести казались далёким прошлым. В девятнадцать лет она уже стала взрослой женщиной и впервые столкнулась с по-настоящему серьёзной жизненной проблемой.

Тропа огибала скалистый выступ, проходила сквозь рощицу белоствольных осин с трепещущими жёлтыми листьями и выводила на ровную площадку, поросшую густой травой и полевыми цветами.

Девушка спешилась и отпустила поводья.

Её мустанг, привыкший к ласке, потёрся гладкой тёмной головой о хозяйку, явно ожидая ответного внимания. Но, не дождавшись его, опустил морду к траве и принялся пастись.

Взгляд девушки остановился на тонких бело-голубых цветах, покачивавшихся на ветру. Они слабо светились среди высокой травы, уже тронутой золотом, словно бледные звёзды.

— Аквилегии, — задумчиво произнесла она.

Сорвав несколько цветков, девушка подняла их к глазам и долго рассматривала, словно надеялась найти в них разгадку тайны, окружавшей её происхождение и имя.

Затем она устремила мечтательный взгляд на далёкие горные хребты.

— Колумбина!.. Так меня назвали те старатели, которые нашли меня... совсем маленькую... потерявшуюся в лесу... спящую среди аквилегий.

Она произнесла эти слова вслух, словно звук собственного голоса мог убедить её в их правдивости.

Именно сегодня человек, которого она всегда называла отцом, раскрыл ей эту тайну. Впрочем, девушка и прежде смутно чувствовала, что с её детством связано нечто загадочное, какая-то странность, какие-то обстоятельства, о которых ей никогда не рассказывали.

— Никакого другого имени, кроме Колумбины, — печально прошептала она.

И теперь ей стала понятна странная тоска, давно жившая в её сердце.

Всего час назад, сбегая с широкой веранды дома на ранчо Уайт-Слайдс, Колумбина встретила человека, который заботился о ней всю её жизнь.

Он посмотрел на неё с прежней добротой, по-отечески ласково, но на этот раз в его взгляде было что-то новое. Перед ней стоял старый Билл Беллаундс — первопроходец и скотовод, огромный, широколицый человек, суровый, покрытый шрамами, с поседевшими волосами и большими глазами, в которых словно горело голубое пламя.

— Колли, — сказал старик, — похоже, у меня для тебя новости. Письмо от Джека... Он возвращается домой.

Беллаундс помахал письмом. Его огромная рука дрогнула, когда он положил её девушке на плечо. Казалось, вся его обычная суровость неожиданно смягчилась.

Джек был его сыном.

На пастбищах его всегда называли Бастером Джеком, а порой и другими, куда менее лестными прозвищами, которые, впрочем, никогда не доходили до ушей отца.

Три года назад Джека отправили прочь, незадолго до возвращения Колумбины из школы. Поэтому она не видела его больше семи лет. Но помнила очень хорошо: высокого, нескладного, красивого и необузданного мальчишку, который сделал её детство почти невыносимым.

— Да... мой сын... Джек... возвращается домой, — повторил Беллаундс, и голос его дрогнул. — И, Колли... теперь я должен кое-что тебе рассказать.

— Конечно, папа, — ответила она, крепко сжимая тяжёлую руку, лежавшую у неё на плече.

— Вот именно, девочка. В том-то всё и дело. Я тебе не отец. Я старался быть тебе отцом и любил тебя как родную дочь. Но мы с тобой не одной крови. И теперь пришло время сказать тебе правду.

Затем последовал короткий рассказ.

Семнадцать лет назад старатели, разрабатывавшие принадлежавший Беллаундсу участок в горах над Мидл-Парком, нашли возле тропы маленькую девочку. Она спала среди цветущих аквилегий.

Неподалёку от этого места индейцы — вероятно, арапахо, переходившие через горы, чтобы напасть на ютов, — захватили или убили людей, ехавших в крытой повозке переселенцев.

Никаких других следов обнаружить не удалось.

Старатели отнесли ребёнка в свой лагерь, накормили, позаботились о нём и, по своему обыкновению, дали девочке имя — Колумбина, в честь цветов, среди которых её нашли.

Потом они привезли ребёнка к Беллаундсу.

— Колли, — сказал старый скотовод, — обо всём этом можно было бы никогда и не рассказывать. И я бы не рассказал, если бы не одна причина. Я старею. И не собираюсь делить своё имущество между тобой и Джеком. Поэтому хочу, чтобы вы поженились. Ты всегда хорошо влияла на Джека. С такой женой, какой станешь ты... ну, может быть, Джек наконец...

— Папа! — вырвалось у Колумбины. — Выйти замуж за Джека!.. Но ведь я... я даже почти не помню его!

— Ха-ха! — рассмеялся Беллаундс. — Ну, чертовка, скоро вспомнишь! Джек сейчас в Креммлинге. Сегодня вечером или завтра будет здесь.

— Но... я... я ведь его не люблю, — запинаясь, произнесла Колумбина.

Старик перестал смеяться.

Его лицо вновь стало суровым, глубокие складки резко обозначились, а большие глаза потемнели.

Возражение девушки больно задело его.

Колумбина вспомнила, как болезненно он всегда воспринимал любое замечание, бросавшее хотя бы малейшую тень на его сына.

— Ну, это скверно, — проворчал он. — Может, ещё передумаешь. Полагаю, девушка не сумеет по-настоящему помочь парню, если он ей безразличен. Как бы там ни было, вы с Джеком поженитесь.

С этими словами он повернулся и тяжёлой походкой ушёл.

А Колумбина оседлала своего мустанга и отправилась далеко вверх по склону долины, туда, где могла остаться одна.

Стоя теперь на краю скалистого выступа, девушка вдруг заметила, что тишина и уединение её любимого убежища нарушены.

Внизу, на склонах Старой Белой Лавины и на травянистых возвышенностях раздавалось мычание скота.

Она совсем забыла, что сегодня стада перегоняют с высокогорных пастбищ в долину для осеннего сбора.

Прямо под ней огромное пёстрое стадо, состоявшее из рыжих и белых животных, беспокойно кружило на открытом пространстве.

Телята и годовалые бычки мчались по горному склону, поднимая облака пыли. Старые одичавшие быки с треском продирались сквозь заросли полыни, стараясь удержаться на прежней высоте и не желая спускаться вниз. Коровы метались из стороны в сторону, громко мыча и разыскивая потерявшихся телят.

Над всем этим шумом раздавались звонкие, мелодичные выкрики ковбоев.

Скот хорошо знал эти голоса. Только самые упрямые старые быки продолжали пробиваться вверх по склону.

Колумбина тоже знала каждый из этих криков и могла безошибочно определить, кому он принадлежит.

Ковбои пели, кричали, ругались, но для неё всё это звучало музыкой.

То здесь, то там, среди разбросанных по склону осиновых рощиц, лошадь стремительно пересекала открытый участок. Взлетала пыль, и раздавался могучий крик всадника, который прокатывался по склону, отражался от скалистого обрыва и ещё долго звучал эхом после того, как смельчак исчезал в густых зарослях.

— Интересно, где же Уилс? — пробормотала Колумбина, всматриваясь и прислушиваясь.

Она смутно чувствовала, что теперь при мысли об этом ковбое испытывает что-то новое. Словно в привычном представлении о нём появилась какая-то преграда.

Девушка ощущала перемену, но не понимала её причины.

Одного за другим она узнавала всадников на склонах внизу, однако Уилсона Мура среди них не было.

Значит, он находился выше.

Колумбина повернулась и посмотрела через травянистую площадку вверх по длинному жёлтому склону, туда, где сверкающие на солнце осины наполовину скрывали высокий красноватый горный выступ.

И вдруг далеко слева, с гребня поросшего кустарником хребта, донёсся голос, заставивший её сердце вздрогнуть:

— Ну-у, пошли-и-и! Вперё-ё-ёд!

Рыжие коровы стремительно бросились вниз по склону, вздымая пыль, ломая кусты, сбивая камни и оглашая окрестности хриплым мычанием.

— У-у-ух! Эге-гей!

Новый, более высокий и звонкий крик прорезал воздух.

Колумбина увидела, как на вершине хребта появился белый мустанг. Его силуэт резко выделялся на фоне голубого неба, грива и хвост развевались на ветру.

То, как конь двигался вдоль края крутого склона, свидетельствовало о том, что его всадник был отчаянным ковбоем, не боявшимся ни высоты, ни пропасти.

Она узнала бы его по одной только манере держаться в седле, даже если бы не различала стройную, прямую фигуру.

Ковбой сразу заметил её.

Он резко осадил мустанга, уже готового броситься вниз, заставил его подняться на дыбы и развернуться.

Колумбина помахала рукой.

Ковбой пришпорил коня и помчался вдоль гребня. На мгновение он исчез за осиновой рощей, затем вновь появился правее, где травянистая площадка плавно спускалась к обрыву.

Здесь он перевёл мустанга на шаг и направился к девушке.

Колумбина наблюдала за его приближением с непривычным волнением.

Впервые за все годы знакомства она смотрела на него иначе.

Прежде он был товарищем её детских игр, другом, почти братом.

Уилсон уже много лет работал у Беллаундса. Ковбоем он стал потому, что любил скот, ещё больше любил лошадей, а сильнее всего — вольную жизнь под открытым небом.

В отличие от большинства ковбоев, он получил образование. В Денвере у него была семья, которая не одобряла его жизнь на пастбищах и постоянно уговаривала вернуться домой.

Иногда Уилсон казался замкнутым, отстранённым, и понять его было нелегко.

Пока он медленно приближался, в голове Колумбины проносились десятки мыслей.

Но больше всего её тревожила неожиданная скованность, которую она чувствовала перед этой встречей.

Как Уилсон воспримет известие о перемене, которую собираются насильно внести в её жизнь?

Эта мысль внезапно пронзила её сердце странной болью.

Но ведь они с Уилсоном были всего лишь хорошими друзьями!

Впрочем, если подумать, в последнее время они уже не были такими близкими товарищами, как прежде.

Сейчас, взволнованная предстоящей встречей, она на мгновение забыла о его недавней сдержанности и о тех маленьких знаках внимания, которых ей так не хватало.

Тем временем ковбой достиг ровной площадки и с ленивой грацией, свойственной людям его ремесла, соскользнул с седла.

Он был высок, строен, крепок, с узкими бёдрами прирождённого всадника и прямыми, хотя и не особенно широкими плечами.

Держался он прямо, словно индеец.

Его глаза были орехового цвета, черты лица — правильными, кожа — загорелой.

У людей, проводивших жизнь под открытым небом, лица обычно были худыми, сильными и невозмутимыми. Но в облике Уилсона к этому добавлялись особая сдержанность и спокойствие, за которыми, казалось, скрывалась печаль.

— Привет, Колумбина! — сказал он. — Что ты здесь делаешь? Тебя ведь могут затоптать.

— Привет, Уилс! — медленно ответила она. — Думаю, я сумею посторониться.

— В стаде есть несколько опасных быков. Если хоть один из них бросится сюда, Пронто оставит тебя добираться домой пешком. Твой мустанг терпеть не может скот. Да и объезжен он ещё только наполовину, сама знаешь.

— Я забыла, что вы сегодня перегоняете стадо, — ответила она и отвела взгляд.

Наступило молчание.

Ей показалось, что оно длится очень долго.

— Зачем же ты приехала? — с любопытством спросил он.

— Хотела собрать аквилегии. Смотри.

Она протянула ему покачивающиеся на тонких стеблях цветы.

— Возьми один... Тебе они нравятся?

— Да. Мне нравятся аквилегии, — ответил он, принимая цветок.

Его внимательные ореховые глаза смягчились и потемнели.

— Цветок Колорадо.

— Колумбина!.. Ведь это моё имя.

— Ну и разве можно придумать имя лучше? Оно тебе очень подходит.

— Почему? — спросила она, снова посмотрев на него.

— Ты стройная... изящная. Держишь голову высоко и гордо. У тебя белая кожа. Голубые глаза. Только не такие голубые, как колокольчики, а именно как аквилегии. А когда ты сердишься, они становятся фиолетовыми.

— Комплименты! Уилсон, я никогда прежде не слышала от тебя подобных речей.

— Сегодня ты какая-то другая.

— Да, другая.

Она посмотрела через долину на солнце, склонявшееся к западу, и лёгкий румянец исчез с её щёк.

— Я не имею права гордо держать голову. Никто не знает, кто я... откуда взялась.

— Можно подумать, это что-нибудь меняет! — воскликнул он.

— Беллаундс мне не отец. У меня нет отца. Я была подкидышем. Меня нашли в лесу — совсем маленькой, потерявшейся среди цветов. Я всегда была Колумбиной Беллаундс. Но это не моё настоящее имя. Никто не может сказать, как меня зовут на самом деле.

— Я узнал твою историю много лет назад, Колумбина, — серьёзно ответил он. — Все её знают. Старому Биллу следовало рассказать тебе об этом гораздо раньше. Но он любит тебя. И все остальные тоже. Не позволяй этой новости огорчать тебя... Мне жаль, что ты никогда не знала ни матери, ни сестры. Я мог бы рассказать тебе о многих сиротах, чьи судьбы сложились совсем иначе.

— Ты не понимаешь. Я была счастлива. Мне никогда не хотелось иметь кого-нибудь... кроме матери. Просто...

— Чего же я не понимаю?

— Я рассказала тебе не всё.

— Нет? «Ну так продолжай», —медленно произнёс он.

Внезапно Колумбина поняла причину той нерешительности и скованности, которые мешали ей говорить.

Всё дело было в том, что Уилсон Мур мог подумать о её предстоящем замужестве с Джеком Беллаундсом.

Но она по-прежнему не понимала, почему это заставляло её чувствовать себя так неуверенно и отчего возникало смущение, которое приходилось изо всех сил скрывать.

Более того, к собственному раздражению, девушка обнаружила, что уклоняется от прямой просьбы Уилсона рассказать оставшуюся часть новости.

— Джек Беллаундс возвращается сегодня вечером или завтра, — сказала она.

Ожидая ответа, Колумбина невидящим взглядом смотрела на редкие сосны, окаймлявшие Старую Белую Лавину.

Но Мур молчал.

Его молчание заставило девушку повернуться.

Лицо ковбоя едва заметно изменилось. Оно потемнело, под загаром проступил красноватый оттенок. Колумбина успела заметить, как он выпустил из зубов нижнюю губу, которую до этого прикусывал.

Уилсон сосредоточенно смотрел на лассо, которое сворачивал кольцами.

Вдруг он резко повернулся к ней, и тёмный огонь в его глазах поразил девушку.

— Я уже несколько месяцев жду возвращения этого недоумка, — прямо сказал он.

— Ты... никогда... не любил Джека? — медленно спросила Колумбина.

Она вовсе не собиралась задавать этот вопрос, но мысль сама сорвалась с языка.

— Ещё бы! Конечно, никогда не любил.

— С тех самых пор, как вы подрались... давным-давно... из-за...

Он резко дёрнул рукой, и кольца свёрнутого лассо распустились.

— С тех пор, как я хорошенько его отколотил! Не забывай об этом, — перебил Уилсон.

Краснота исчезла с его загорелого лица.

— Да, ты его побил, — задумчиво произнесла Колумбина. — Я помню. И с тех пор Джек тебя ненавидит.

— Мы друг друга не жалуем.

— Но, Уилс, раньше ты никогда так не говорил... так открыто не высказывался против Джека, — возразила она.

— Я не из тех, кто говорит о человеке дурное за его спиной. Но и язык за зубами держать не стану, если есть что сказать. И... и...

Он не закончил фразу, оставив её смысл неясным.

Вообще Мур сегодня был сам на себя не похож.

Это тревожило Колумбину.

Прежде она всегда доверяла ему свои мысли.

А теперь возникло такое сложное положение! Ей не терпелось рассказать обо всём, но почему-то она боялась.

Его горькие слова о Джеке доставили ей непонятное удовлетворение.

И одновременно девушка вдруг осознала, что дружба Уилсона значила для неё гораздо больше, чем она прежде думала.

А теперь по какой-то загадочной причине эта дружба словно ускользала от неё.

— Мы ведь... мы ведь были такими хорошими друзьями... настоящими товарищами, — торопливо произнесла Колумбина, неожиданно меняя тему.

— Кто? — Он удивлённо посмотрел на неё.

— Ну, ты... и я.

— А-а!

Его голос смягчился, хотя во взгляде ещё оставалось неодобрение.

— И что из этого?

— Просто кое-что случилось, и я поняла, как мне тебя не хватало... в последнее время. Вот и всё.

— Вот как!

В его голосе прозвучали горечь и желание прекратить разговор. Но объяснять что-либо он не собирался.

Колумбина чувствовала, что в нём живёт гордость, которая, по-видимому, и была причиной его отчуждения.

— Уилсон, почему в последнее время ты стал другим? — жалобно спросила она.

— Какой теперь смысл тебе об этом рассказывать? — ответил он вопросом.

Его слова вызвали у неё ощущение настоящей утраты.

Она жила мечтами, а он — действительностью.

И сейчас она не могла расстаться со своими мечтами, не могла увидеть и понять всё то, что, казалось, было ему совершенно ясно.

На мгновение она почувствовала себя ребёнком, который вдруг начинает стремительно взрослеть.

Давняя тоска по матери поднялась в душе могучей волной.

Как нужен был ей сейчас кто-нибудь, на кого можно опереться! Кто-нибудь, кто любил бы её, кто помог бы в этот час, когда судьба уже стучалась в дверь её юности.

— Может быть, мне будет больно это услышать... но всё равно расскажи, — наконец произнесла она.

В её голосе прозвучало что-то новое, чего ещё час назад не было. В ней словно пробудилось женское начало, которого она сама пока не понимала.

— Нет! — решительно заявил Мур.

Его лицо залилось тёмным румянцем.

Он резко бросил лассо на седло и неловкими движениями принялся привязывать его.

На девушку он не смотрел.

В его голосе слышались одновременно гнев и изумление.

— Папа говорит, что я должна выйти замуж за Джека, — сказала Колумбина, внезапно возвращаясь к своей обычной простоте.

— Я слышал от него об этом ещё несколько месяцев назад, — резко ответил Мур.

— Слышал! Так вот почему?.. — прошептала она.

— Именно поэтому, — отчётливо произнёс он.

— Но это не причина, чтобы ты... чтобы ты избегал меня! — возразила она, постепенно распаляясь.

Он коротко рассмеялся.

— Уилс, разве после того, как папа это сказал, я перестала тебе нравиться? — спросила она.

— Колумбина, девятнадцатилетней девушке, которая собирается... собирается замуж, не пристало быть дурочкой, — язвительно ответил он.

— Я не дурочка! — горячо возразила она.

— Тогда не задавай глупых вопросов.

— Значит, после этого я тебе больше не нравилась! Иначе ты никогда не стал бы так плохо со мной обращаться.

— Если ты говоришь, что я плохо с тобой обращался, значит, говоришь неправду! — ответил он с не меньшим жаром.

Никогда прежде они не были так близки к ссоре.

Колумбина испытала совершенно новое чувство — странную смесь страха, жара и боли, словно всё это слилось в одном сильном ударе сердца.

Уилсон причинял ей боль.

Дрожь пробежала по всему её телу, разлилась по жилам, заставляя кровь горячо пульсировать.

— Ты хочешь сказать, что я лгу? — вспыхнула она.

— Да, именно это, если...

Но прежде чем он успел договорить, она ударила его по лицу.

И тут же побледнела и задрожала.

— Ох... я не хотела! Прости меня, — пролепетала она.

Он потёр щёку.

Сам удар был не слишком сильным. Но глаза Уилсона потемнели от боли и гнева.

— О, не стоит так переживать! — вырвалось у него. — Ты уже давала мне пощёчину... однажды, много лет назад, когда я тебя поцеловал. Я... прошу прощения за то, что сказал, будто ты лжёшь. Ты просто сама не своя. Да и я тоже.

Эти слова несколько успокоили их обоих.

Казалось, ковбой колебался между желанием немедленно уехать и решением рискнуть остаться ещё ненадолго.

— Может быть, так оно и есть, — ответила Колумбина с коротким смешком.

Она была близка к слезам и страшно сердилась на себя.

— Давай помиримся... снова будем друзьями.

Мур резко выпрямился.

Казалось, он пытался защититься от чего-то, исходившего от неё.

Колумбина почувствовала это.

Но его лицо стало жёстче и старше, чем она когда-либо видела.

— Колумбина, ты знаешь, где Джек Беллаундс провёл последние три года? — отчётливо спросил он, совершенно не обращая внимания на её предложение помириться.

— Нет. Кто-то говорил, что в Денвере. Другие утверждали, что в Канзас-Сити. Я никогда не спрашивала папу, потому что знала: Джека отослали из дома. Я думала, он работает... старается стать настоящим мужчиной.

— Что ж, ради тебя я надеюсь, что твои предположения окажутся правдой, — ответил Мур с необычайной горечью.

— А ты знаешь, где он был? — спросила Колумбина.

Какое-то странное чувство заставило её задать этот вопрос.

Здесь явно скрывалась тайна.

Волнение Уилсона было слишком необычным и глубоким.

— Да, знаю.

Ковбой буквально выдавил эти слова сквозь стиснутые зубы, словно пытался удержаться от почти непреодолимого искушения рассказать больше.

Но любопытство Колумбины внезапно угасло.

Она была уже достаточно взрослой женщиной, чтобы понять: некоторые сведения способны лишь сделать её положение ещё тяжелее.

— Уилсон, — торопливо начала она, — всем, что у меня есть, я обязана папе. Он заботился обо мне... отправил учиться. Он всегда был так добр ко мне! Я любила его всю жизнь. Было бы ужасной неблагодарностью за всю его заботу и любовь, если бы я... если бы отказалась...

— Старый Билл — лучший человек на свете, — перебил Мур, словно желая отвергнуть даже намёк на нелояльность по отношению к своему хозяину. — Все в Мидл-Парке и далеко за его пределами чем-нибудь ему обязаны. Он действительно хороший человек. В нём никогда не было ничего дурного, кроме этой безумной слепоты, когда дело касается сына. Бастер Джек... этот... этот...

Колумбина прикрыла ладонью его губы.

— Человек, за которого я должна выйти замуж, — торжественно произнесла она.

— Должна?.. И ты действительно выйдешь? — потребовал он ответа.

— Конечно. А что ещё мне остаётся? Я никогда даже не думала отказываться.

— Колумбина!

В его возгласе прозвучала такая боль, движение было таким резким, а тёмные глаза смотрели так пронзительно, что девушка вздрогнула и замерла, не в силах произнести ни слова.

— Как ты можешь любить Джека Беллаундса? Тебе было двенадцать лет, когда ты видела его в последний раз. Как ты можешь его любить?

— Я его не люблю, — ответила Колумбина.

— Тогда как же ты можешь выйти за него замуж?

— Я обязана слушаться папу. Он надеется, что я сумею образумить Джека.

— Образумить Джека! — страстно воскликнул Мур. — Да ты же... ты, девушка, нежная, как белый цветок! Ты со своей невинностью и добротой собираешься образумить этого...

— …этого проклятого щенка! Боже правый! Да он был игроком и пьяницей! Он…

— Тише! — взмолилась Колумбина.

— Он жульничал в карты! — заявил ковбой с таким презрением, словно считал этот порок самым низким из всех возможных.

— Но Джек был всего лишь необузданным мальчишкой, — возразила Колумбина, стараясь защитить сына человека, которого любила как отца. — Его отправили из дома работать. Наверняка он уже перерос свои мальчишеские выходки. Он вернётся настоящим мужчиной.

— Ба! — резко воскликнул Мур.

Колумбина почувствовала, как у неё всё оборвалось внутри.

Куда девалась её сила? Она могла проходить и проезжать верхом многие мили, не зная усталости, — и вдруг какая-то внутренняя дрожь заставила её почувствовать себя больной! Это было по-детски глупо. Она изо всех сил старалась скрыть от него свою слабость.

— Ты никогда прежде так себя не вёл, — сказала она. — Раньше ты был великодушнее. Разве я виновата? Разве я сама выбрала свою судьбу?

Мур быстро отвёл взгляд. Стоя рядом с конём и положив руку ему на спину, он некоторое время молчал. По тому, как расправились его плечи, можно было догадаться, что он принял какое-то решение.

Наконец он вскочил в седло.

Мустанг фыркнул, зажал удила зубами и вскинул голову, готовый сорваться с места.

— Забудь о моей вспышке, — попросил ковбой, глядя на Колумбину сверху вниз. — Я беру свои слова обратно. Прости меня. Не позволяй ничему из сказанного мной тревожить тебя. Просто я ревновал.

— Ревновал! — удивлённо воскликнула Колумбина.

— Да. От ревности у человека всё перед глазами становится то красным, то зелёным. Скверная штука! Ты никогда этого не испытывала.

— А к кому ты ревновал? — спросила Колумбина.

Теперь ковбой уже вполне владел собой и смотрел на неё с мрачной усмешкой.

— Видишь ли, Колумбина, всё это похоже на историю из книжки, — ответил он. — Я — парень, от которого отказалась собственная семья. Бродяга, скитающийся по диким местам. Ничего собой не представляю, и никаких перспектив у меня нет… А вот наш друг Джек — красавец и богач. У него любящий отец, который души в нём не чает. Скот, лошади, ранчо! И девушка достаётся ему. Понимаешь?

Он пришпорил мустанга и поехал прочь.

На краю склона ковбой обернулся в седле.

— Мне ещё нужно пригнать это стадо. Уже поздно. А ты поторопись домой.

И он исчез.

Под обрывом затрещали камни и покатились вниз по склону.

Колумбина осталась стоять там, где он её покинул. Она была растеряна, а щёки всё ещё пылали.

— Ревновал?.. Девушка достаётся ему? — повторяла она про себя. — Что же он хотел сказать? Неужели он имел в виду… Нет, не может быть…

Простое, логичное объяснение слов Уилсона открыло перед ней тревожную возможность, о которой она никогда прежде не задумывалась.

А что, если он любит её?

Если это так, почему он никогда не говорил об этом?

Ревновать он, пожалуй, мог. Но любить её — нет!

Следующая мысль словно постучала в дверь её сердца — дверь, которая ещё никогда не открывалась. За ней таилась загадка чувств: надежды, отчаяние, неведомая тоска и множество настойчивых голосов.

Женщина, только что пробудившаяся в ней, инстинктивно стремясь защитить себя, захлопнула эту дверь, едва успев заглянуть внутрь.

Но сердце её уже переполняли чувства, которым она не знала названия.

Пронто пасся неподалёку.

Колумбина поймала его и села в седло.

Только теперь она заметила, что руки её онемели от холода.

Ветер перестал шевелить осины, но жёлтые листья продолжали падать, тихо шелестя.

Выехав на гребень склона, она повернула к дому, навстречу западу.

Закат в Колорадо достиг той дивной поры, когда краски становятся особенно яркими и всё вокруг словно преображается.

Поросшие полынью склоны внизу казались розовым бархатом. Золотые осины вдали пламенели верхушками. Предгорья, уходившие одна за другой плавными волнами, были залиты ясным, мягким, богатым светом. Огромное пространство до далёкого чёрного хребта окутывала горная пурпурная дымка. А за хребтом смутно поднимались величественные вершины, озарённые последними лучами заходящего солнца.

Узкая полоса голубого неба между скалами и облаками напоминала реку, по которой плыли белые паруса и серебристые клочья тумана.

Выше нависал огромный полог тёмных облаков, уже вобравших в себя все оттенки приближающейся ночи.

— Ах, какая красота! — прошептала девушка с тем благоговением, которое всегда испытывала перед природой.

Этот дикий мир закатного величия, одиночества и красоты принадлежал ей.

Вон там, под одной из вершин чёрного хребта, находилось место, где её нашли — маленькую девочку, потерявшуюся в лесу.

Она была частью этого мира, а он был частью её самой.

Сияние гор возвращало ей силы.

Пронто насторожил уши и замедлил рысь.

— Что такое, мальчик? — спросила Колумбина.

На тропе уже темнело.

Тени поднимались по склону, а она ехала им навстречу.

Мустанг обладал острым зрением и превосходным чутьём.

Девушка натянула поводья и остановилась.

Всё вокруг замерло.

На противоположной стороне долины уже сгущались сумерки. Розовые и золотые краски постепенно меркли и на ближних склонах.

Внизу, на ровном дне долины, раскинулся старый большой дом ранчо. Вокруг него уютно расположились небольшие жилые домики, а дальше тянулись загоны для скота, переходившие в мягкие, покрытые сеном луга, серые и туманные в вечерних сумерках.

В одном из окон светился одинокий огонёк.

Он казался путеводным маяком.

Воздух становился холодным, уже чувствовалось приближение заморозков.

Издалека, с противоположной стороны хребта, по которому она только что спустилась, доносилось мычание последних отбившихся от стада животных, которых ковбои гнали к месту осеннего сбора.

Но вряд ли Пронто насторожил уши из-за них.

Словно в ответ на её мысли по склону прокатился дикий протяжный вой, заставивший мустанга вздрогнуть.

Колумбина уже слышала этот голос прежде.

— Спокойно, Пронто. Это всего лишь волк, — ласково успокоила она коня.

Вначале вой был громким и довольно резким, затем постепенно смягчился, превратившись в тоскливый, дикий, одинокий и завораживающий плач.

Стая койотов ответила сердитым лаем — резким, отрывистым, визгливым хором. Самые пронзительные звуки словно врезались в холодный ночной воздух.

Эти горные завывания и тоскливые крики были для Колумбины музыкой.

Она продолжила спускаться по тропе в сгущавшейся темноте.

Ночь и её дикие обитатели пугали девушку гораздо меньше, чем то, что ожидало её дома, на ранчо Уайт-Слайдс.

Глава II

Темнота опустилась на долину, словно чёрный плащ.

Колумбина втайне надеялась, что Уилсон, как бывало прежде, будет ждать её, чтобы позаботиться о лошади. Но её ждало разочарование. В домике, где жили ковбои, не светилось ни одно окно: Уилсон ещё не вернулся с перегона скота.

Девушка расседлала Пронто и выпустила его на пастбище.

Окна длинного, низкого дома ранчо яркими прямоугольниками выделялись во тьме, посылая далеко вокруг приветливые лучи света.

Колумбина с тревогой подумала, не вернулся ли уже Джек Беллаундс.

Ей пришлось собрать всю волю, чтобы заставить себя приблизиться к дому.

Но раз уж встреча с Джеком была неизбежна, лучше покончить с этим испытанием как можно скорее.

И всё же она на цыпочках прошла мимо освещённых окон, пересекла всю длинную веранду, затем повернула обратно и остановилась, борясь с тяжёлым чувством, которое словно тянуло её назад и сдавливало сердце.

Дверь была грубой, тяжёлой и открывалась с трудом.

Колумбина вошла в большую комнату, освещённую лампой на дальнем столе и пылающими поленьями в огромном каменном камине.

Это была общая комната — довольно мрачная по углам, почти лишённая украшений, но удобная и уютная для простой жизни.

Брёвна стен были новыми, а щели между ними замазаны глиной, ещё сохранявшей белизну. Всё свидетельствовало о том, что дом построили сравнительно недавно.

Хозяин ранчо, Беллаундс, сидел в удобном кресле перед огнём, протянув к теплу большие, огрубевшие руки.

Он был без пиджака, в одной рубашке. Седой, с открытым, решительным лицом, этот человек старше шестидесяти лет всё ещё сохранял крепкое сложение и могучую силу.

Когда вошла Колумбина, он поднял опущенную голову, и вместе с этим движением исчезло выражение печали, которое прежде угадывалось в его позе.

— Ну вот, девочка, и ты пришла, — приветствовал он её. — Джейк уже кричал, что ужин готов. Теперь можно и поесть.

— Папа... а твой сын... он уже приехал? — спросила Колумбина.

— Нет. Только на закате получил весточку. Один из ковбоев Бейкера, что работает выше по долине, ехал из Креммлинга и остановился рассказать, что Джек празднует своё возвращение, перебрав красного пойла. Думаю, сегодня он домой не доберётся. Может, завтра.

Беллаундс говорил ровным, тяжёлым голосом, ничем не выдавая своих чувств.

Он всегда был беспощадно откровенен и никогда не пытался смягчать правду.

Но Колумбина, хорошо знавшая старика, чувствовала, какую боль причиняет ему эта новость.

В душе её поднялось негодование против непутёвого сына, однако она благоразумно промолчала.

— В общем-то, естественно, что Джеку захотелось повеселиться по возвращении домой, — продолжал Беллаундс. — Не стану его за это винить. Эти последние три года, должно быть, нелегко ему дались.

Колумбина протянула руки к огню.

— Холодно, папа, — сказала она. — Я оделась слишком легко и едва не замёрзла. Осень уже наступила, в воздухе чувствуется мороз. Ах, какими золотыми и красными были сегодня холмы! С осин падали листья. Я люблю осень, но ведь это значит, что зима совсем близко.

— Да уж, время летит, — вздохнул старик. — Куда ездила?

— Вверх по западному склону, к скалистому выступу. Далековато. Я редко туда выбираюсь.

— Кого-нибудь из наших парней встретила? Я отправил всю команду сгонять скот с горных пастбищ. В последнее время потерял немало голов. Животные едят какую-то ядовитую траву. Раздуваются и дохнут. В этом году хуже, чем когда-либо прежде.

— Какой ужас, папа! Бедные животные! Это даже хуже, чем отравление локо... Да, я встретила Уилсона Мура. Он гнал стадо вниз по склону.

— Ага. Ну, пойдём ужинать.

Они уселись за стол, на который повар Джейк уже выставлял дымящиеся блюда.

Сегодня ужин был необычайно обильным — очевидно, в честь ожидаемого гостя, который так и не приехал.

Колумбина подавала старику его любимые кушанья, украдкой поглядывая на изборождённое морщинами, потемневшее лицо.

Она чувствовала, что с ним произошла какая-то едва уловимая перемена после их дневного разговора, но не могла обнаружить её ни во взгляде, ни в поведении.

Аппетит у него оставался таким же отменным, как всегда.

— Значит, встретила Уилса, — заговорил наконец Беллаундс. — Он всё ещё за тобой ухаживает?

— Нет, не ухаживает. И, по-моему, никогда не ухаживал... в таком смысле, папа, — ответила она.

— Умом ты ещё ребёнок, а телом уже женщина. Этот ковбой сохнет по тебе с тех пор, как ты была маленькой девочкой. Только поэтому он до сих пор и работает у меня.

— Папа, я этому не верю, — сказала Колумбина, чувствуя, как кровь приливает к вискам. — Ты всегда воображал подобное об Уилсоне. Да и о других парнях тоже.

— Ага! Значит, я старый дурак и ничего не понимаю в женщинах? Может, когда-то и был таким. Но теперь вижу прекрасно... Разве Уилс не начинал сверкать глазами, когда кто-нибудь из парней пытался за тобой приударить?

— Не помню ничего подобного, — ответила Колумбина.

Ей вдруг захотелось рассмеяться, хотя тема разговора была для неё совсем не забавной.

— Ну, ты всегда была простодушной. И слава богу, что не научилась проделкам большинства хорошеньких девчонок — строить глазки всем мужчинам подряд. Как бы там ни было, месяца три назад я велел Уилсу держаться от тебя подальше. Сказал, что ты не пара какому-то бедному ковбою.

— Ты никогда его не любил. Почему? Разве справедливо так относиться к нему, если судить его наравне с остальными парнями?

— Пожалуй, несправедливо, — признал Беллаундс.

Он поднял голову, и его широкое лицо налилось краской.

— Этот парень — лучший наездник и мастер обращения с лассо из всех, кто работал у меня за последние годы. Он не из тех, кто только и умеет объезжать диких мустангов. Никогда не пил. Честный, работящий. Деньги бережёт. Со скотом обращаться умеет. Когда-нибудь из него выйдет богатый хозяин ранчо.

— Странно, что при всём этом ты его никогда не любил, — тихо заметила Колумбина.

Ей даже стало немного стыдно от того удовольствия, которое доставила ей похвала Уилсона.

— Ничего странного. У меня свои причины, — грубовато ответил Беллаундс и снова принялся за еду.

Колумбине казалось, что она догадывается о причине необъяснимой неприязни старого скотовода к этому ковбою.

Вполне возможно, дело было в том, что Уилсон во всём превосходил Джека Беллаундса.

С детства мальчики соперничали во всём, что касалось жизни на пастбищах.

Те качества, которые Билл Беллаундс больше всего ценил в мужчинах, в полной мере были присущи Уилсону — и отсутствовали у его собственного сына.

— Теперь ты поручишь Джеку управлять своими ранчо? — спросила Колумбина.

— Ещё чего! Думаю, сначала попробую поставить его управляющим здесь, в Уайт-Слайдс. Если сумеет справиться с командой, тогда посмотрим.

— Папа, он никогда не сумеет управлять командой Уайт-Слайдс, — уверенно заявила Колумбина.

— Да, парни здесь непростые, согласен. Но думаю, останутся все, кроме, может быть, Уилса. А если он уйдёт, так оно даже лучше.

— Неразумно отпускать своего лучшего ковбоя. Я ведь слышала, как ты в последнее время жаловался, что не хватает работников.

— Рабочие мне и вправду нужны, — серьёзно ответил Беллаундс. — Скота становится больше, чем мы успеваем обслуживать. Я послал весточку через горы в Микер, надеюсь найти там несколько человек. Но больше всего мне сейчас нужен парень, который разбирается в собаках и сможет охотиться на волков, пум и медведей, пожирающих мой скот.

— Папа, тебе понадобится целая команда, чтобы управляться со всеми гончими, которых ты собрал. Каких только собак у тебя нет! Наверное, уже сотня. Только вчера какой-то человек привёл целую свору облезлых длинноухих псов. Просто смешно! Папа, да над тобой уже смеются все скотоводы в округе!

— Вот избавлю их от этой нечисти, тогда ещё благодарить будут, — заявил Беллаундс. — Девочка, я поклялся покупать каждую собаку, которую мне приведут, пока не соберу достаточно, чтобы истребить койотов, волков и пум. И я это сделаю. Только мне нужен охотник.

— Почему бы не поручить гончих Уилсону Муру? Он ведь охотник.

— Ну, девочка, пожалуй, мысль неплохая, — ответил скотовод, кивая седой головой. — Слушай-ка, а ведь тебе, похоже, хочется, чтобы я оставил Уилса здесь.

— Да, папа.

— Почему? Он тебе настолько нравится?

— Конечно, нравится. Он был мне почти братом.

— Ага! Но ты уверена, что он не нравится тебе больше, чем следовало бы... учитывая то, что намечается?

— Да, уверена, — ответила Колумбина, чувствуя, как горят щёки.

— Ну, рад это слышать. Думаю, большой разницы нет, останется Уилс или уйдёт. Если захочет, дам ему работу с гончими.

В тот вечер Колумбина рано ушла в свою комнату.

Это было уютное маленькое гнёздышко, утеплённое одеялами, которое она сама обустроила и обставила.

В бревенчатой стене было прорублено небольшое квадратное окно. Не раз зимними ночами сквозь него на её постель залетал снег.

Она любила своё маленькое уединённое убежище.

В этот вечер впервые за всю осень стало по-настоящему холодно. Горящая лампа ярко освещала комнату, но почти не согревала её.

Здесь был каменный камин, однако Колумбина забыла принести дров и потому не могла развести огонь.

Она разделась, погасила лампу и легла.

Вскоре под одеялами стало тепло, а темнота маленькой комнаты показалась ей приятной.

Она была уверена, что сегодня не уснёт.

Ей хотелось думать. Она не могла не думать и тщетно пыталась остановить вихрь мыслей.

Главное место в них занимал Уилсон Мур — обстоятельство совершенно необычное и необъяснимое.

Она старалась переключиться на что-нибудь другое.

Напрасно!

Уилсон не покидал её воображения. Вот он на белом мустанге мчится по гребню хребта. Вот приближается к ней — совсем не такой, каким она привыкла его видеть. Она вспоминала его гнев и неодобрение, его странный, полный боли возглас: «Колумбина!», который продолжал звучать у неё в ушах. Вспоминала его горькую улыбку, покорность судьбе и насмешливые слова о ревности.

И этот образ становился ещё ярче, когда она вспоминала откровенную похвалу старого скотовода.

— Я не должна думать о нём, — прошептала девушка. — Ведь скоро я... я выйду замуж... Замуж!

Это слово мгновенно изменило течение её мыслей. Там, где прежде она испытывала волнение, теперь почувствовала холод.

Она снова и снова обдумывала случившееся.

— Это правда. Я выйду замуж, потому что должна... обязана, — произнесла она вполголоса. — Потому что у меня нет другого выхода. Ради папы я должна сама хотеть этого... Но не хочу... не хочу!

Больше всего на свете Колумбина стремилась быть доброй, преданной, любящей, полезной. Ей хотелось выразить благодарность за дом и любовь, которыми окружили когда-то безымянную девочку-подкидыша.

Билл Беллаундс вовсе не был обязан заботиться о чужом потерявшемся ребёнке.

Он сделал это потому, что был человеком великодушным и благородным.

За старым скотоводом числилось немало прекрасных поступков.

Колумбина не была неблагодарной.

Она намеревалась отплатить ему добром.

Но теперь перед ней постепенно раскрывалось значение той цены, которую предстояло заплатить.

— Это изменит всю мою жизнь, — прошептала она с ужасом.

Но как именно?

Колумбина задумалась.

Ей необходимо было представить себе все подробности предстоящих перемен.

Мать никогда ничему её не учила. Те немногие женщины, которые время от времени появлялись в доме Беллаундса, либо не проявляли к девочке особенного сочувствия, либо оставались слишком недолго, чтобы оказать ей существенную помощь.

Даже годы учёбы в Денвере не избавили её от детской неопытности во всём, что касалось серьёзных вопросов женской жизни.

— Если я стану его женой, — продолжала она, — мне придётся всё время быть с ним... Я должна буду оставить эту маленькую комнату... Никогда больше не буду свободной... одинокой... счастливой...

Это была первая подробность, которую она сумела назвать.

И последняя.

Осознание случившегося заставило её болезненно содрогнуться.

И именно в это мгновение в её душе зародилось ещё неосознанное сопротивление.

За окном выли койоты.

Дикие, резкие и вместе с тем удивительно мелодичные голоса!

Они успокаивали её измученную, отяжелевшую голову, убаюкивали, напоминали о золотом и пурпурном закате, о полынных склонах, одиноких горных вершинах и красоте, которая никогда не изменится.

Завтра, уже сквозь дремоту подумала она, нужно будет уговорить Уилсона не истреблять всех койотов. Пусть оставит хотя бы несколько — ведь она так любит их.

Билл Беллаундс поселился в Мидл-Парке в 1860 году.

В те времена это был дикий край, владения индейцев племени ютов и настоящий природный рай для лосей, оленей, антилоп и бизонов.

В горных хребтах водились медведи.

Эти хребты окружали холмистую долину, которую один из исследователей когда-то назвал Мидл-Парком.

Значительную часть заключённого между горами плоскогорья занимали прерии, где буйно росли высокие травы и полевые цветы.

Беллаундс занимался скотоводством и сразу разглядел возможности этого края.

Поэтому он постарался заручиться дружбой Пайи, вождя ютов.

Этот благородный индеец доброжелательно относился к белым поселенцам, и в те беспокойные времена его племя сохраняло мир с пришельцами, вторгавшимися в их горные владения.

В 1868 году Беллаундс сыграл важную роль в переговорах, убедивших ютов отказаться от Мидл-Парка.

Склоны холмов были покрыты густыми лесами, а в горах обнаружили золото и серебро.

Край привлекал старателей, скотоводов и лесопромышленников.

Лето здесь было слишком коротким, чтобы выращивать зерновые культуры, а ночи слишком холодными для кукурузы. В противном случае население Мидл-Парка росло бы значительно быстрее.

В годы после ухода ютов Билл Беллаундс основал несколько скотоводческих ранчо и приобрёл другие.

Ранчо Уайт-Слайдс находилось более чем в двадцати милях от Мидл-Парка, в извилистом ответвлении главной долины.

Осваивать его начали позднее остальных владений Беллаундса, и старый скотовод поселился здесь потому, что окружающая местность оставалась более дикой.

С годами он, казалось, всё сильнее стремился сохранить то уединение, которое окружало его в молодости.

Ко времени возвращения сына на Уайт-Слайдс Беллаундс владел обширными землями и многочисленными стадами, но откровенно признавался, что не накопил денег и, вероятно, никогда их не накопит.

Его рука всегда была открыта для любого человека, и он никогда не вспоминал об оказанной услуге как о долге.

Он доверял всем.

Особенно гордился тем, что ни один белый человек и ни один индеец никогда не предавал его доверия.

Ковбои пользовались его добротой, соседи злоупотребляли щедростью, но не было среди них человека, который в конце концов не возвращал бы долг трудом или скотом.

Беллаундс принадлежал к числу великих первопроходцев пограничных земель, которым Запад был обязан своим заселением.

И он превосходил многих из них, поскольку на собственном опыте доказал: индейцы отвечают дружелюбием на дружелюбие, если их не грабить и не вытеснять силой.

В день, когда ожидалось возвращение сына, Беллаундса никто не видел за его обычными занятиями.

Он бродил по полям и вокруг загонов, часто ходил взад и вперёд по веранде, всматриваясь в горизонт, где белой полосой уходила вниз по долине дорога из Креммлинга.

Часть времени он проводил в доме.

Случилось так, что в начале второй половины дня он вышел на крыльцо как раз в тот момент, когда во двор въехала лёгкая повозка, запряжённая лошадьми, покрытыми пылью и пеной.

И тогда он увидел сына.

Несколько ковбоев подбежали к повозке.

Они приветствовали возницу, которого, по-видимому, хорошо знали.

Джек Беллаундс даже не взглянул на них.

Он выбросил из повозки дорожную сумку, затем медленно спустился на землю и направился к крыльцу.

— Ну, Джек... сынок... как же я рад, что ты вернулся домой, — произнёс старый скотовод, шагая ему навстречу.

Голос его был глубоким, полным, необычайно звучным.

Но это оказалось единственным внешним проявлением чувств.

— Здравствуй, папа! — ответил сын без особенной сердечности и протянул руку отцу.

Джек Беллаундс был высоким молодым человеком, обещавшим со временем приобрести такое же могучее сложение, как у отца.

Но держался он не прямо, а слегка сутулился.

Лицо было бледным: очевидно, в последнее время он не привык к солнцу и ветру.

Любой посторонний заметил бы сходство между отцом и сыном, признал бы красоту и смелое выражение молодого лица, но не нашёл бы в нём отцовской силы.

Нижняя часть лица Джека выдавала слабость характера.

Скованность этой встречи особенно заметно проявлялась в поведении сына.

Он выглядел пристыженным, почти угрюмым.

Но если накануне в Креммлинге он действительно находился под воздействием спиртного, как сообщали, то теперь совершенно оправился.

— Пойдём в дом, — сказал скотовод.

Когда они вошли в большую гостиную и Беллаундс закрыл двери, сын бросил сумку на пол и вызывающе повернулся к отцу.

— Они все знают, где я был? — с горечью спросил он.

Уязвлённая гордость и стыд вспыхнули на его лице.

— Никто ничего не знает. Тайна сохранена, — ответил Беллаундс.

Изумление и облегчение преобразили молодого человека.

— А... ну тогда... я рад... — воскликнул он и опустился в кресло, наполовину прикрыв лицо дрожащими руками.

— Джек, мы начнём всё сначала, — проникновенно сказал Беллаундс.

Его большие глаза засветились тёплым, прекрасным светом.

— Прямо здесь. Мы никогда больше не будем говорить о том, где ты провёл эти три года. Никогда!

Джек поднял глаза.

Угрюмость и мрачные тени исчезли с его лица.

— Отец, ты ошибался, когда думал, что это пойдёт мне на пользу. Это только навредило. Но теперь, если никто ничего не знает... я постараюсь забыть.

— Может, я и ошибся, — с болью ответил Беллаундс. — Но бог свидетель, я хотел как лучше. Ты ведь был... Впрочем, довольно об этом... Ты станешь управляющим Уайт-Слайдс. Если справишься, я с радостью передам тебе руководство ранчо. Я старею, сынок. А за последний год стал беднее. Пастбища здесь прекрасные, но скота теперь меньше, чем год назад. Кое-

что украли скотокрады, много животных погубили волки, пумы и ядовитые травы... Что скажешь, сын?

— Я возьмусь управлять Уайт-Слайдс, — ответил Джек, небрежно махнув рукой. — Не надеялся получить такую возможность. Но я её заслужил. Кто из знакомых мне людей сейчас работает здесь?

— Пожалуй, никто, кроме Уилса Мура.

— Этот ковбой всё ещё здесь? Не хочу его видеть.

— Ну, я отправлю его охотиться на хищников с гончими. И послушай, сынок, команда здесь трудная. Понимаешь, очень трудная. С такими людьми непросто управиться. Единственный способ добиться от них толку — вставать раньше всех и возвращаться позже всех. Поменьше говорить и побольше работать. Тяжело работать.

Джек Беллаундс ничем не показал, что понял серьёзность отцовских слов.

— Я им покажу, — сказал он. — Они быстро узнают, кто здесь хозяин. Ох, как же мне хочется снова надеть сапоги, сесть верхом и носиться по пастбищам!

Беллаундс погладил седую бороду и посмотрел на сына со смешанным чувством гордости и сомнения.

Но сейчас он никак не мог отвлечься от одного удивительного обстоятельства: его единственный сын вернулся домой.

— Всё это хорошо, сынок, — сказал Беллаундс. — Но ты три года не работал на пастбищах. Тебе понадобятся советы. Послушай меня. Обращайся с лошадьми ласково. Раньше ты бывал с ними жесток. Некоторые ковбои грубо дёргают своих лошадей, доводят их до того, что те начинают брыкаться и кусаться. Но это не лучший способ. Лошадь — животное разумное. У меня есть прекрасные лошади, и я не хочу, чтобы их испортили. И с парнями держись спокойно, без грубости. Сейчас трудно найти работников. Мне и без того не хватает людей... Лучше всего, сынок, если ты будешь обращаться с лошадьми и людьми так, как обращается твой отец.

— Папа, я сам видел, как ты пинал лошадей и стрелял в людей, — возразил Джек.

— Верно, видел. Но то были особые случаи, и очень скверные. Я вовсе не советую тебе так поступать... Сынок, эта надежда так дорога моему сердцу... Я так хочу, чтобы ты...

Могучий голос старика дрогнул и оборвался.

Нужно было обладать поистине каменным сердцем, чтобы не почувствовать глубину той неизъяснимой любви, которую старик испытывал к своему сыну.

Джек Беллаундс обнял отца за плечи.

— Папа, ты ещё будешь мной гордиться. Дай мне возможность показать себя. И не сердись, если поначалу у меня не всё будет получаться.

— Сынок, у тебя будут все возможности. И вот что я ещё хотел сказать. Помнишь Колумбину?

— Ещё бы! — с живостью ответил Джек. — В Кремлинге мне о ней рассказывали. Где она сейчас?

— Думаю, где-нибудь поблизости. Джек, вы с Колумбиной должны пожениться.

— Пожениться! Я и Колумбина? — воскликнул он.

— Да. Ты мой сын, а она моя приёмная дочь. Я не хочу делить своё имущество. Но справедливо, чтобы и ей досталась доля. Джек, она прекрасная девушка — сильная, спокойная, красивая. Из неё выйдет хорошая жена. Я твёрдо решил устроить вашу свадьбу.

— Но ведь Колумбина всегда меня ненавидела.

— Тогда она была ребёнком, а ты её дразнил. Теперь она взрослая женщина и хочет сделать мне приятное. Джек, надеюсь, ты не станешь противиться моему решению?

— Это смотря как всё сложится, — ответил Джек. — Я женился бы почти на любой девушке, которую ты мне выбрал. Но если Колумбина станет обращаться со мной так же презрительно, как прежде, тогда я, конечно, воспротивлюсь... Папа, ты уверен, что она ничего не знает и даже не подозревает, куда ты... куда ты меня отправил?

— Сынок, клянусь тебе, она ничего не знает.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы поженились поскорее?

— Ну да, как только Колли сочтёт это разумным. Джек, она застенчивая, необычная девушка, да ещё и с глубоким характером. Если тебе когда-нибудь удастся завоевать её сердце, ты станешь богаче, чем если бы владел всем золотом Скалистых гор. Я бы посоветовал не торопиться. Но, с другой стороны, если вы поженитесь сразу, это, пожалуй, вернее поможет тебе остепениться и удержит дома.

— Сразу пожениться! — повторил Джек со смехом. — Прямо как в книжке. Но сначала я должен её увидеть.

В это самое время Колумбина сидела на верхнем бревне высокой ограды загона, с большим интересом наблюдая за происходившим перед ней.

В загоне находились двое ковбоев и осёдланный мустанг.

Один из ковбоев нёс холщовый мешок с инструментами и подковами. Когда он опустил мешок на землю, раздался металлический звон. Мустанг фыркнул, подпрыгнул и испуганно закатил глаза.

Он прекрасно знал, что означал этот звон.

— Мисс Колли, вы так и собираетесь там сидеть? — спросил более высокий ковбой.

Это был худощавый, гибкий и сильный человек с грубым красновато-синим лицом, твёрдым, словно скала, и спокойными, зоркими глазами.

— Именно так, Джим, — невозмутимо ответила девушка.

— Но нам ведь придётся повалить его и связать, — возразил ковбой.

— Знаю. И вы сделаете это осторожно.

Джим почесал свою рыжеватую голову и посмотрел на товарища — маленького, коренастого человечка, напоминавшего искривлённый, выбеленный солнцем древесный корень. Казалось, он состоял почти из одних ног.

— Слышал, ты, вайомингский увалень? — обратился он к Джиму. — Подковывать Вэнга будем очень осторожно.

Джим ухмыльнулся и повернулся к мустангу.

— Вэнг, закон нам объявили. Теперь посмотрим, сколько у тебя лошадиного ума.

Лохматый мустанг, судя по всему, не проникся доверием к этой речи. Он смотрел на говорившего с величайшим подозрением.

— Джим, раз уж это, похоже, последняя работа, которой мисс Колли будет у нас распоряжаться, надо сделать всё так, чтобы Вэнг даже ухом не повёл, — протянул второй ковбой.

— Лем, почему это последняя работа, которой я буду распоряжаться? — быстро спросила Колумбина.

Джим насмешливо посмотрел на неё, а Лем принял совершенно невинный вид, который девушка всегда связывала с очередной ковбойской проделкой.

— Ну, мисс Колли, мы полагаем, что новый хозяин Уайт-Слайдс сегодня приехал.

— Ты хочешь сказать, что Джек Беллаундс вернулся домой, — уточнила Колумбина. — Что ж, я всё равно буду распоряжаться вами, как прежде.

— Для нас это было бы замечательно, но, боюсь, в книге судеб Уайт-Слайдс записано другое, — ответил Джим.

— Бастер Джек подомнёт под себя старика и женится на вас, — добавил Лем.

— Ах, вот что вы думаете! — легко ответила Колумбина. — Ну, если такое действительно случится, я стану распоряжаться вами ещё больше.

— Не думаю, мисс Колли, — просто сказал Джим. — Потому что мы уже не будем работать на Уайт-Слайдс.

Колумбина давно почувствовала, что именно так могут обернуться события, ещё когда впервые пошли слухи о возможном возвращении Бастера Джека.

Она знала ковбоев.

С таким же успехом можно было попытаться изменить скалы окружающих холмов!

— Ребята, день, когда вы покинете Уайт-Слайдс, будет для меня печальным, — вздохнула Колумбина.

— Мисс Колли, мы ведь ещё никуда не уехали, — с неловкой мягкостью заметил Лем. — Джим давно мечтает о Вайоминге, вот и говорит так.

После этого ковбои вернулись к своему делу.

Джим снял с мустанга седло, но оставил уздечку. Разумеется, эта уловка обманула Вэнга. Его приучили стоять спокойно, пока на нём оставалась уздечка, и, подобно лошади, которая при хорошем обращении могла бы стать вполне послушной, он старался выполнять то, чему его учили, хотя дрожал всем телом.

Джим сделал вид, будто собирается стреножить Вэнга. Он связал его передние ноги верёвкой у самых копыт, но затем внезапно перебросил петлю выше колен.

Тут Вэнг понял, что его обманули.

Он яростно фыркнул, издал пронзительный крик и, встав на дыбы, принялся бешено молотить передними копытами по воздуху.

Джим натянул верёвку. Вэнг продолжал визжать и сопротивляться, высоко подняв передние ноги.

Затем Джим мощным рывком опрокинул мустанга на землю, а Лем, схватившись за уздечку, повалил его на бок и уселся ему на голову.

Джим снял петлю с одного переднего копыта, отвёл другую переднюю ногу назад, скрестил её с задней и быстро закрепил обе верёвочным узлом.

После этого он несколько раз обвил лассо вокруг переднего и заднего копыт, надёжно связав их вместе.

Закончив, ковбои перевернули мустанга на другой бок, захватили свободную переднюю ногу петлёй и подтянули к задней, связав их точно таким же образом.

Теперь Вэнг был совершенно беспомощен, и ковбои приступили к подковыванию.

Колумбина терпеть не могла наблюдать за подобной процедурой. И всё же, когда представлялась возможность, она неизменно оставалась рядом: девушка знала, что в её присутствии ковбои не станут обращаться с животным жестоко.

— Ну, завтра он будет высоко ноги поднимать, — заметил Лем, поднимаясь с головы Вэнга.

— Ага! — отозвался Джим. — И, словно мул, будет двадцать лет изображать моего друга, только чтобы однажды получить возможность меня лягнуть.

Самым интересным для Колумбины оказался момент, когда мустанг приподнял голову и посмотрел на свои ноги, словно желая понять, что с ними сделали.

В этом взгляде было нечто почти человеческое.

В нём читались разум, страх и ярость.

Ковбои развязали ему ноги и позволили подняться.

Вэнг принялся топать копытами, теперь уже подкованными железом.

— С тобой поступили нечестно, Вэнг, — сказала Колумбина. — Будь ты моим, я никогда не позволила бы так с тобой обращаться.

— Думаю, стоит вам только попросить, и он ваш, — ответил Джим, набрасывая на мустанга седло. — Всё равно, кроме меня, никто на нём ездить не может. Хотите попробовать?

— Только не в этой одежде, — рассмеялась Колумбина.

— Ну, мисс Колли, сегодня вы почему-то особенно нарядились, — заметил Лем, покачивая головой и собирая с земли инструменты.

— Ага! «А вот и причина», —хриплым шёпотом произнёс Джим.

Колумбина услышала эти слова, а в следующее мгновение до неё донёсся резкий звук шагов по гравийной дорожке.

Она быстро обернулась и едва не потеряла равновесие.

Перед ней стоял Джек Беллаундс.

Она сразу узнала его.

Мальчишка Бастер Джек, которого она так хорошо помнила, превратился в молодого мужчину — более высокого, тяжёлого, повзрослевшего, с побледневшим лицом и дерзким взглядом.

Колумбина боялась этой встречи и заранее готовилась к ней.

Но теперь, когда встреча наконец состоялась, она испытывала лишь досаду оттого, что Джек застал её сидящей верхом на ограде загона, в позе, мало соответствовавшей достоинству молодой девушки.

Ей даже не пришло в голову немедленно спрыгнуть.

Она лишь выпрямилась, поправила юбку и стала ждать.

Джим вывел мустанга из загона, а Лем последовал за ним.

Казалось, оба хотели избежать встречи с молодым человеком, но тот не позволил им уйти.

— Здорово, ребята! «Я Джек Беллаундс», —произнёс он несколько высокомерно.

При этом держался небрежно и даже не подумал протянуть руку для приветствия.

Джим что-то пробормотал, а Лем ответил:

— Здоро́во.

— Паршивый с виду мустанг, — продолжал Беллаундс и небрежно протянул к лошади руку.

Вэнг так резко рванулся, что едва не повалил Джима.

— Ну, необъезженным его не назовёшь, — протянул Джим. — А вот всё остальное, пожалуй, верно.

Оба ковбоя казались медлительными и безразличными.

Они не проявляли ни особенной холодности, ни дружелюбия.

Колумбина заметила, как их острые, внимательные взгляды скользнули по фигуре Беллаундса.

И сама посмотрела на него ещё раз, теперь уже не так поспешно.

На нём были сапоги с высокими каблуками и нарядными голенищами, плотно облегавшие ноги брюки из тёмной ткани, широкий тяжёлый ремень с серебряной пряжкой и мягкая белая рубашка с широким расстёгнутым воротником.

Голова оставалась непокрытой.

— Теперь я буду управлять Уайт-Слайдс, — объявил он ковбоям. — Как вас зовут?

Колумбине захотелось хихикнуть, но она подавила этот порыв.

Сама мысль о том, что кто-то спрашивает имя Джима, казалась ей необыкновенно забавной.

Ведь ей самой так никогда и не удалось выяснить его настоящее имя!

— Моё полное имя — Лемюэл Арчибальд Биллингс, — невозмутимо ответил Лем.

Второе имя оказалось неожиданным дополнением, о котором прежде никто не слышал.

После этого Беллаундс перевёл взгляд на девушку и направился к ней.

Ковбои опустили головы и неторопливо пошли своей дорогой.

— На ранчо живёт только одна девушка, — сказал Беллаундс. — Значит, ты Колумбина.

— Да. А ты Джек, — ответила она, спрыгивая с ограды. — Рада приветствовать тебя дома.

Она протянула ему руку.

Джек удерживал её до тех пор, пока девушка сама не высвободила пальцы.

На его лице отразились неподдельное удивление и удовольствие.

— Вот уж никогда бы тебя не узнал! — произнёс он, оглядывая Колумбину с головы до ног. — Забавно. Я ведь совершенно ясно представлял, какой ты должна быть. Но ты совсем не такая, как я воображал. Та Колумбина, которую я помню, была худенькой, бледнолицей девчонкой с огромными глазами.

— Прошло много времени. Семь лет, — ответила она. — Но я тебя узнала. Ты стал старше, выше, крупнее, а всё-таки остался тем же Бастером Джеком.

— Надеюсь, что нет, — сказал он с искренним осуждением своего прежнего поведения. — Я нужен отцу. Он хочет, чтобы я взял здесь всё в свои руки, стал настоящим мужчиной. Теперь я вернулся. Хорошо снова оказаться дома. Раньше от меня было мало толку. Господи, как же я надеюсь, что больше не разочарую его!

— Я тоже на это надеюсь, — тихо произнесла Колумбина.

Его откровенные, серьёзные слова несколько рассеяли неблагоприятное впечатление, которое он успел произвести на неё.

Казалось, он говорил искренне.

Джек опустил глаза и стал носком сапога перекатывать мелкие камешки на земле.

Колумбина получила возможность внимательно рассмотреть его лицо и воспользовалась ею.

Он действительно походил на отца — большая красивая голова, голубые глаза, казавшиеся смелыми скорее из-за своей выпуклости, чем благодаря прямому взгляду или внутреннему огню.

Лицо было бледным, омрачённым тревогой или недовольством.

Казалось, в нём проступали черты характера, которые молодой человек старался подавить.

Рот и подбородок выдавали отсутствие внутренней дисциплины.

Колумбина не могла сказать, что какая-либо черта его внешности вызывала у неё презрение.

И всё же было в нём нечто, заставлявшее её держаться настороже.

Она уже решила, что исполнит свой долг бескорыстно.

Будет искать в Джеке лучшие качества, постарается полюбить его за них, найдёт в себе силы терпеть и помогать.

Но она не могла управлять своими смутными, странными ощущениями.

Почему в нём она не чувствовала того, что нравилось ей в Джиме Монтане, Леме или Уилсоне Муре?

— Это был мой второй долгий отъезд из дома, — сказал Беллаундс. — Первый раз я уехал учиться в Канзас-Сити. Мне там нравилось. Я очень жалел, когда меня выгнали и отправили домой... Но последние три года были настоящим адом.

Его лицо исказилось, и по нему пробежала тёмная краска.

— Ты работал? — спросила Колумбина.

— Работал! Это было хуже всякой работы... Конечно, работал, — ответил он.

Внимательный взгляд Колумбины скользнул к его рукам.

Они выглядели такими же мягкими, без единого шрама, как её собственные.

Какой же работой он занимался, если говорил правду?

— Ну, если ты станешь усердно работать ради папы, научишься руководить ковбоями и никогда больше не вернёшься к прежним дурным привычкам...

— Ты имеешь в виду выпивку и карты? Клянусь, за три года я совсем о них забыл — до вчерашнего дня. Думаю, теперь я сильнее этих соблазнов.

— Тогда ты сделаешь счастливыми и папу, и меня. И сам будешь счастлив.

Колумбина почувствовала радостное волнение, заметив в нём проблеск благородства.

В этом молодом человеке было добро, несмотря на все безумные и дикие выходки его детства.

— Отец хочет, чтобы мы поженились, — внезапно сказал Джек, смущённо и вместе с тем странно весело улыбаясь. — Разве не забавно? Ты и я! Мы ведь раньше дрались, как кошка с собакой! Помнишь, как я столкнул тебя в старую грязную яму? А ты подкараулила меня за домом, чтобы запустить в меня гнилой капустой?

— Да, помню, — мечтательно ответила Колумбина. — Кажется, это было так давно.

— А как ты съела мой пирог? Помнишь, как я тебе отплатил — разорвал твоё маленькое платьице, и тебе пришлось бежать домой почти голышом?

— Кажется, это я забыла, — ответила Колумбина, покраснев. — Наверное, тогда я была совсем маленькой.

— Ты была настоящим чертёнком... А помнишь, как мы с Муром подрались из-за тебя?

Она не ответила.

Ей не понравилось выражение, на мгновение промелькнувшее по его лицу.

Он слишком хорошо помнил ту драку.

— Я ещё сведу счёты с Муром, — продолжал Джек. — Кроме того, я не позволю ему оставаться на ранчо.

— Папе нужны хорошие работники, — сказала Колумбина, устремив взгляд на серые полынные склоны.

Упоминание Уилсона Мура лишь усилило её внутреннее отчуждение от Джека.

По телу пробежала неприятная дрожь.

— Прежде чем мы пойдём дальше, я хотел бы кое-что узнать. Мур когда-нибудь объяснялся тебе в любви?

Колумбина почувствовала, как эта неприятная дрожь сменилась горячей, резкой волной крови.

Почему она стала такой беззащитной перед странными, внезапными, незнакомыми ощущениями?

Почему замешкалась, услышав вполне естественный вопрос Джека Беллаундса?

— Нет. Никогда, — ответила она наконец.

— Чертовски странно. Раньше он нравился тебе больше всех остальных. А меня ты просто ненавидела... Колумбина, ты уже переросла эту ненависть?

— Да, конечно, — ответила она. — Хотя я едва ли действительно тебя ненавидела.

— Отец сказал, что ты согласна выйти за меня замуж. Это правда?

Колумбина опустила голову.

Вопрос был задан доброжелательно и не оскорбил её: она ожидала его.

Но само присутствие Джека, смысл его слов пробудили в ней невыразимый дух сопротивления.

Своей волей она уже согласилась исполнить требование старика. Однако теперь начинала понимать, что не может заставить собственное тело принять нежеланную близость.

— Да, я согласна, — храбро ответила она.

— Скоро? — быстро спросил он, и в его голосе зазвучала новая, нетерпеливая нота.

— Если бы всё зависело от меня, то... не слишком скоро, — запинаясь, произнесла Колумбина.

Не поднимая глаз, она заметила, что он сделал шаг к ней.

Ей захотелось убежать.

— Почему? Отец думает, что это пойдёт мне на пользу, — продолжал Беллаундс, теперь уже полностью поглощённый собственными интересами. — Женитьба заставит меня почувствовать ответственность. Думаю, мне это необходимо. Почему же не пожениться поскорее?

— Разве не лучше немного подождать? — спросила она. — Мы ведь совсем не знаем друг друга, не говоря уже о чувствах...

— Колумбина, я влюбился в тебя! — горячо объявил он.

— О, как ты мог! — воскликнула девушка, не веря своим ушам.

— Да я ведь всегда был от тебя без ума — ещё когда мы были детьми, — сказал он. — А теперь встретить тебя такой взрослой, красивой и милой... такой здоровой, цветущей девушкой... И знать со слов отца, что скоро ты станешь моей женой — моей!.. Да я просто потерял голову, когда увидел тебя!

Колумбина подняла на него глаза и вспомнила, как в детстве Джек всегда мгновенно загорался страстным желанием получить какую-нибудь вещь, которую непременно должен был иметь.

И отец никогда ему не отказывал.

Возможно, Джек действительно внезапно влюбился в неё.

— Неужели ты согласился бы жениться на мне без моей... моей любви? — очень тихо спросила она. — Сейчас я тебя не люблю. Может быть, когда-нибудь полюблю, если ты станешь хорошим человеком... если сделаешь папу счастливым... если сумеешь победить...

— Жениться на тебе! Да я женился бы, даже если бы ты... даже если бы ты меня ненавидела! — ответил он, теперь уже целиком охваченный страстью.

— Я расскажу папе о своих чувствах, — слабо произнесла она, — и... и выйду за тебя, когда он скажет.

Джек поцеловал её и попытался обнять, но девушка отстранила его.

— Не надо! Кто-нибудь... кто-нибудь увидит.

— Колумбина, мы ведь помолвлены, — заявил он со смехом собственника. — Послушай, не нужно так бледнеть и пугаться. Я тебя не съем. Хотя очень хотелось бы... Ах, какая же ты милая девушка! А ведь я совсем не хотел возвращаться домой. И посмотри, как мне повезло!

Затем он внезапно переменился — и эта резкая перемена, казалось, многое говорила о его характере.

Страстный пыл исчез. Пропали наполовину дерзкие, наполовину властные манеры. Перед Колумбиной открылась более мягкая сторона его натуры.

— Колли, я никогда не был хорошим человеком, — сказал он. — Но хочу стать лучше. И докажу это. Я во всём признаюсь. Не хочу жениться на тебе, если между нами останется какая-нибудь тайна. Ты можешь узнать обо всём потом и возненавидеть меня... Ты хоть представляешь, где я провёл последние три года?

— Нет, — ответила Колумбина.

— Тогда я расскажу тебе прямо сейчас. Но ты должна обещать, что никогда никому об этом не скажешь... и никогда не станешь попрекать меня прошлым.

Он говорил хрипло и сильно побледнел.

Внезапно Колумбина вспомнила Уилсона Мура.

Он знал, где Джек провёл эти годы.

Он боролся с сильным искушением рассказать ей правду.

И то, что Уилсон сумел промолчать, было так же благородно, как унизительно выглядел сам намёк на прошлое Джека.

— Джек, с твоей стороны это великодушно, — поспешно ответила она. — Я уважаю тебя... ты мне нравишься за это. Но тебе не нужно ничего рассказывать. Я предпочла бы не знать. Для меня достаточно уже того, что ты хотел признаться.

Беллаундс, очевидно, испытал потрясение, в котором смешались изумление, облегчение, удивление и благодарность.

В одно мгновение он словно преобразился.

— Колли, если бы я не любил тебя прежде, то полюбил бы сейчас. Рассказать тебе мою... мою историю было бы самым трудным делом в моей жизни. Я действительно собирался это сделать. А теперь мне не придётся видеть, как ты стыдишься меня, и я не буду чувствовать себя обманщиком или лжецом... Но одно я всё-таки скажу: если ты полюбишь меня, то сделаешь из меня настоящего мужчину!

Глава III

Скотовод счёл за лучшее дождаться окончания осеннего сбора скота и лишь затем передать сыну обязанности управляющего. Решение было разумным, но Джек не желал этого понимать. Оказалось, что за годы отсутствия его прежняя нетерпимость ничуть не смягчилась — скорее, стала ещё сильнее. Беллаундс терпеливо убеждал сына, объясняя вещи, которые должны были быть очевидны каждому молодому человеку, выросшему в Колорадо. Осенний сбор скота — самое ответственное время года, и во время тяжёлой работы назначенный старший должен распоряжаться всем безраздельно. В конце концов Джек уступил, но с явной неохотой.

К несчастью, от отца он направился прямо к загонам. Несколько ковбоев, проведших весь предыдущий день в седле, а всю ночь — на дежурстве у стада, только что вернулись. Они были покрыты пылью, измучены и едва держали глаза открытыми.

— Больше они здесь моих следов не увидят, — с отвращением заявил один из них. — Я никогда не жаловался, когда приходилось работать за двоих. Но если надо без передышки гонять скот и днём и ночью, я пас.

— Ложитесь, ребята, и спите, пока мы не вернёмся с походной кухней, — сказал Уилсон Мур. — Сегодня закончим с этим стадом.

— А ты разве не устал, Уилс? — спросил Бладсо, приземистый кривоногий ковбой, с виду хромой или даже увечный.

— Я? Ничуть! — презрительно буркнул Мур. — Блад, ты умеешь задавать дурацкие вопросы... Да я, ты, красномордый, коротконогий двуногий ковбой, за четыре ночи проспал всего три часа!

— А что значит «двуногий»? — недоверчиво спросил Бладсо.

Никто не стал ему объяснять.

— Уилс, ты единственный образованный скотник, которого я когда-либо любил, но будь я проклят, если мы с тобой однажды не подерёмся, — объявил Бладсо.

— Уж он умеет словами бросаться, — протянул Лем Биллингс. — Наверное, однажды целый словарь проглотил.

— Зато и лассо бросает как надо, а это всё уравновешивает, — добавил Джим Монтана.

В эту минуту появился Джек Беллаундс. Ковбои не обратили на него внимания. Джим перевязывал ногу своей лошади; Бладсо устало собирал седло и снаряжение; Лем прощально похлопывал своего измученного мустанга — и в этом похлопывании было многое сказано. Мур, очевидно, ждал свежую лошадь. Из пастбища пришёл мексиканский паренёк, ведя нескольких коней. Среди них был пегий белый мустанг, на котором Мур ездил чаще всего.

Беллаундс с интересом подошёл ближе, когда Мур свистнул и мустанг радостно откликнулся. Было совершенно ясно: мексиканского мальчишку он не любил, а Мура любил.

— Ну что, Спотти, сегодня придётся погонять годовалых телят, — сказал ковбой, поймав мустанга. Спотти закинул голову и высоко переступал ногами, пока ему не надели уздечку. Когда седло легло на спину и подпруги были затянуты, мустанг предстал во всей красе. Он был прекрасен, но не настолько изящен, холён и тонкокостен, чтобы какой-нибудь ковбой усомнился в его рабочих качествах.

Джек Беллаундс с восхищением обошёл мустанга кругом, подходя несколько ближе, чем нравилось Спотти.

— Мур, лошадка у тебя вполне приличная, — сказал Беллаундс с видом знатока. — Как её зовут?

— Спотти, — коротко ответил Мур, готовясь сесть в седло.

— Постой-ка! — повелительно приказал Джек. — Мне нравится эта лошадь. Хочу её осмотреть.

Когда он выхватил поводья из рук ковбоя, Спотти подскочил, словно в него выстрелили. Беллаундс дёрнул повод и шагнул ближе. Мустанг встал на дыбы, фыркая и отчаянно вырываясь. Тут Джек Беллаундс проявил тот внезапный гнев, которым славился. Его бледные щёки залились краской.

— Чёрт тебя побери, стой смирно! — яростно закричал он на мустанга и обеими руками с силой рванул поводья вниз. Спотти опустился на все четыре ноги и застыл, дрожа всем телом, прижав уши и глядя испуганными, полными боли глазами. Изо рта, порезанного удилами, капала кровь.

— Я научу тебя стоять спокойно, — мрачно произнёс Беллаундс. — Мур, одолжи шпоры. Хочу его испытать.

— Я не одалживаю ни шпоры, ни свою лошадь, — спокойно ответил ковбой и шагнул к Спотти.

Остальные ковбои бросили снаряжение и замерли, пристально глядя на происходящее.

— Это твоя лошадь? — резко спросил Джек, вспыхнув.

— Полагаю, моя, — медленно ответил Мур. — Никто, кроме меня, на ней не ездил.

— Она принадлежит моему отцу или тебе?

— Ну, если рассуждать так, она принадлежит ранчо Уайт-Слайдс, — ответил ковбой. — Я её не покупал. Только вырастил из жеребёнка, объездил и ездил на ней.

— Так я и думал. Мур, значит, она моя, и сейчас я на ней поеду. Кто-нибудь из вас, ковбои, дайте шпоры.

Никто не пошевелился. В воздухе повисло напряжение, которого Беллаундс, казалось, не замечал.

— Поеду и без шпор, — объявил он наконец и снова повернулся к мустангу, собираясь вскочить в седло.

— Беллаундс, лучше бы вам сейчас на нём не ездить, — невозмутимо сказал Мур.

— Это ещё почему? — потребовал объяснений Беллаундс, не привыкший встречать возражения.

— Потому что это единственная лошадь, на которой я могу сегодня работать, — ответил ковбой. — Мы будем клеймить скот. Вчера Хадсон получил травму. Он был старшим и назначил меня вместо себя. Мне придётся ловить лассо годовалых телят. Если вы сейчас сядете на Спотти, то только взвинтите его. Он нервный, горячий, и это ему повредит: он терпеть не может, когда отделяют скот от стада и ловят его верёвкой.

Разумность этих доводов совершенно ускользнула от Беллаундса.

— Мур, возможно, тебе будет интересно узнать, что управляющий Уайт-Слайдс теперь я, — заявил он не без высокомерия.

Его слова, очевидно, помогли ковбою принять важное решение.

— Вот как!.. Теперь мне и впрямь интересно, — отозвался Мур. Затем он шагнул к мустангу, быстрыми движениями расстегнул подпругу и одним рывком сбросил седло вместе с потником на землю.

Беллаундс удивлённо уставился на него. В его непонимании было что-то мальчишеское. Потом он вспыхнул от злости.

— Что это значит? — резко спросил он. — Немедленно верни седло на место!

— Ещё чего. Это моё седло. В прошлом году я заплатил за него в Креммлинге шестьдесят долларов. Доброе старое седло, заработанное тяжёлым трудом!.. И ездить на нём ты не будешь. Понял?

— Понял, — яростно ответил Беллаундс. — А теперь ты поймёшь меня. Я добьюсь, чтобы тебя уволили.

— Нет, поздно, — с лёгким холодным презрением сказал Мур. — Я это предвидел. И минуту назад сам уволился — когда увидел, как мало ты заботишься о лошади.

— Уволился!.. Ну и скатертью дорога! Мне такие работники не нужны.

— Ты и не смог бы меня удержать, Бастер Джек.

Прозвище, по-видимому, было для Беллаундса оскорбительным.

— Не смей меня так называть! — взорвался он.

Мур притворился удивлённым.

— Почему? Это твоё прозвище на пастбищах. Всем нам дают клички, нравятся они нам или нет. Есть Монтана, Блад и Лемми Два Бита. Меня зовут Профессором. Почему же тебе не нравится твоё?

— Теперь я этого не потерплю. Ни от кого, а уж от тебя тем более.

— Вот как! Боюсь, оно к тебе прилипло, — язвительно ответил Мур. — Очень уж подходит. Разве ты не ломаешь всё, к чему прикасаешься? Твой старик наверняка обрадуется, если ты сегодня сорвёшь сбор скота, а завтра развалишь всю команду.

— Наглый ковбой! — закричал Беллаундс, вне себя от бешенства. — Если не заткнёшься, я тебе морду разобью.

— Заткнуться?.. Мне? Нет уж. Не выйдет. Это свободная страна, Бастер Джек.

Мур нарочно повторил прозвище с тем же холодным спокойствием, которое так бесило Беллаундса.

— Я всегда тебя ненавидел! — хрипло выдавил Джек. Он сильно замахнулся, но промахнулся; второй удар лишь скользнул по лицу ковбоя.

Мур отступил, восстановил равновесие и коротким ударом ответил ему. Беллаундс отлетел к ограде загона и удержался на ногах лишь благодаря ей.

— Бастер Джек, да ты спятил! — воскликнул ковбой, сверкая глазами. — Думаешь, сможешь меня побить после того, где провёл последние три года?

Беллаундс, словно обезумевший мальчишка, снова бросился вперёд. Его лицо исказила злоба, движения стали ещё более дикими. Он беспорядочно размахивал руками. Мур уклонялся от ударов и угодил кулаком прямо в оскаленный рот противника.

Беллаундс тяжело рухнул на землю. Он неловко вскочил, но больше не кинулся в драку. В его больших выпуклых глазах появился тёмный, зловещий блеск. Нижняя челюсть дрожала, пока он пытался одновременно отдышаться и заговорить.

— Мур... я тебя... убью! — прошипел он, лихорадочно ища глазами оружие. Он оглядел землю, затем ковбоев. Револьвер был только у Бладсо. Беллаундс заметил его и так стремительно бросился вперёд, что успел схватиться за оружие прежде, чем Бладсо смог помешать.

— Отпусти! Дай мне... револьвер! Клянусь богом, я с ним разделаюсь! — заорал Беллаундс, когда Бладсо вцепился в него.

Началась ожесточённая борьба. Бладсо вырвал руки противника, выхватил револьвер и попытался отбросить его подальше. Но Беллаундс помешал ему, и оружие упало им под ноги.

— Хватайте! — звонко крикнул Бладсо. — Скорее, кто-нибудь! Этот проклятый дурак убьёт Уилса!

Подбежавший Лем ударил револьвер ногой как раз в тот миг, когда Беллаундс потянулся к нему. Оружие покатилось к ограде, где его успел подобрать Джим.

— Эй, Джек Беллаундс! — сказал Лем. — Ты что, не видел, что у Уилса нет револьвера? А сам так разошёлся!.. Прекрати бесноваться, не то мы с тобой церемониться не станем.

— Старик идёт, — предупредил Джим.

Появился хозяин ранчо. Он шагал быстро и тяжело. Седые волосы развевались на ветру, а взгляд был суров, словно у орла.

— Что тут, чёрт возьми, происходит? — рявкнул он.

Ковбои отпустили Джека. Тот, мрачный и пристыженный, что-то бормоча себе под нос, направился к дому.

— Джек, стой на месте! — окликнул его старый Беллаундс.

Но сын не обратил внимания. Лишь однажды он оглянулся через плечо, и его мрачный взгляд остановился только на Муре.

— Хозяин, тут вышел небольшой спор, — объяснил Джим, проворно пряча револьвер Бладсо. — Ничего особенного.

— Джим, ты врёшь, — ответил старый скотовод.

— Ну вот! — огорчённо воскликнул Джим.

— Что ты прячешь?.. У тебя там что-то есть. Давай сюда револьвер.

Не споря, Джим отдал оружие.

— Это мой револьвер, хозяин, — вмешался Бладсо.

— Вот как? Тогда зачем Джим его прятал? — потребовал объяснения Беллаундс.

— Да я просто бросил ему револьвер, когда… ну, когда тоже вмешался в спор. Мы немного сцепились, а мне не хотелось держать при себе оружие.

Как это было характерно для ковбоев — лгать, чтобы выгородить Джека Беллаундса! Но обмануть старого хозяина было бесполезно. Сорок лет он имел дело с самыми разными людьми и обстоятельствами.

— Бладсо, меня не проведёшь, — спокойно сказал старый Билл. Только что он кричал на них, и глаза его по-прежнему сверкали голубым огнём, но теперь он владел собой. Возвращая револьвер владельцу, он продолжил: — Полагаю, вы не хотите огорчать меня и готовы соврать, лишь бы скрыть очередную выходку Джека. Он опять сорвался?

— Ну, вроде того, — сухо ответил Бладсо.

— Ясно. Тогда рассказывай. И без вранья.

Проницательный взгляд Беллаундса остановился на Уилсоне Муре. На лице ковбоя виднелись красные следы драки, а от гнева оно побелело.

— Я лгать не собираюсь, уж будьте уверены, — решительно заявил Мур.

— Так и знал, что вы с Джеком сцепитесь, — угрюмо произнёс Беллаундс. — Что произошло?

— Он поранил мою лошадь. Если бы не это, никакой ссоры не было бы.

В смелых глазах старика вспыхнул огонёк. Он любил лошадей и не раз сурово бранил ковбоев, а порой и пускал в ход кулаки, когда те обращались с животными жестоко.

— Что он сделал?

— Посмотрите на рот Спотти.

Хозяин подошёл к лошади совсем не так, как его сын, хотя Спотти знал старика и не проявлял беспокойства. Осмотр занял всего мгновение.

— Язык сильно порезан. Чёртова подлость! Снимите уздечку… Вот так. А если бы лошадь была норовистой… Мур, как это случилось?

— Мы только что вернулись, — поспешно начал Уилсон. — Я седлал Спотти, когда подошёл Джек. Мустанг ему понравился, и он захотел на нём прокатиться. Спотти встал на дыбы — он опасается чужих, — а Джек изо всей силы дёрнул поводья. Удила порезали Спотти язык… Я рассердился, но сдержался. Я возражал против того, чтобы Джек брал Спотти. Видите ли, Хадсон вчера получил травму и назначил меня на сегодня старшим. Спотти был мне нужен. Но ваш сын не пожелал этого понять, и я разозлился. Джек сказал, что мустанг принадлежит ему…

— Ему? — перебил Беллаундс.

— Да. Он заявил права на Спотти. Но мустанг и в самом деле не был моей собственностью, поэтому я уступил. Когда я снял седло — оно-то моё, — Джек начал орать. Сказал, что теперь он старший и добьётся моего увольнения. Но я ответил, что уже сам ухожу. Мы оба

распалялись всё сильнее, и я назвал его Бастером Джеком… Первым ударил он. Потом мы подрались. Кажется, я уже брал верх, когда он бросился к револьверу Бладсо. Вот и всё.

— Хозяин, клянусь всем, что есть святого для скотовода, — вмешался Бладсо, — доберись он до моего револьвера, он бы пристрелил Уилса. И ведь чуть не добрался!

Старик провёл огромной твёрдой рукой по своей редкой седой бороде. Казалось, услышанное не слишком его взволновало.

— Монтана, а ты что скажешь? — спросил он, словно особенно дорожил мнением этого молчаливого ковбоя.

— Ну, хозяин, — неохотно ответил Джим, — у Бастера Джека и раньше был скверный нрав, а теперь стал ещё хуже.

После этого Беллаундс повернулся к Муру. По его жесту и выражению лица было видно: он должен высказаться, чтобы остаться справедливым в собственных глазах.

— Уилс, жаль, что вы с Джеком столкнулись в первый же день, — сказал он. — Впрочем, этого следовало ожидать. Думаю, Джек был неправ. По всем ковбойским понятиям Спотти принадлежал тебе. Может, по закону он и числился за ранчо Уайт-Слайдс, то есть за мной. Но теперь он твой: я тебе его дарю.

— Большое спасибо, Беллаундс. Я это очень ценю, — тепло ответил Мур. — Любой поставил бы на то, что Билл Беллаундс поступит именно так.

— Вот и ладно. И я был бы тебе благодарен, если бы ты остался сегодня и закончил клеймение.

— Хорошо, ради вас останусь, — ответил Мур. — Лем, похоже, до ночи нам поспать не удастся. Пойдём.

— Эх! — вздохнул Лем, поднимая уздечку.

Поздно вечером Колумбина сидела на крыльце и смотрела на закат. День прошёл тихо, большей частью в доме. Джека она видела лишь однажды: он проехал мимо в сторону пастбища, раскручивая над головой лассо. В седле Джек держался как прирождённый ковбой, но обращаться с верёвкой как следует так и не научился. Старого хозяина она тоже не видела с самого завтрака, хотя слышала, как он медленно расхаживал по своей комнате.

Она смотрела, как последние солнечные лучи золотят восточные горные стены и венчают сиянием вершину Старого Уайт-Слайдс. Далёкое мычание скота стихло. Осеннее клеймение закончилось. Как же она этому радовалась! Ветер, холодевший с заходом солнца, остужал её разгорячённое лицо. За день она столько плакала в одиночестве, что щёки словно горели.

Вскоре на дорожке между пастбищами показался всадник. Он ехал очень медленно и вёл в поводу другую лошадь. Колумбина узнала Лема, а мгновение спустя — Пронто. Это показалось ей странным. Присмотревшись, она увидела, что Пронто хромает. Бедняга едва переставлял ноги.

Колумбина в ужасе бросилась навстречу и добежала до ворот загона прежде Лема. Сначала она видела только любимого мустанга.

— О, Лем! Пронто ранен! — вскрикнула она.

— Ещё как ранен, — ответил Лем. Но он не улыбался. Когда Лем смотрел на Колумбину с таким серьёзным лицом, значит, действительно случилась беда. Ковбой был сер от пыли и так измучен, что едва держался на ногах.

— Лем, да он весь в крови! — воскликнула Колумбина, подбегая к Пронто.

— Погоди-ка, — раздражённо остановил её Лем. — Пронто весь изрезан. Тащи скорее чистое полотно и мазь.

Колумбина помчалась исполнять его просьбу и вернулась так быстро, что совсем запыхалась. Пронто заржал, когда она опустилась на колени рядом с Лемом. Тот осматривал кровоточащие раны на ногах мустанга.

— Думаю, ничего непоправимого, — с облегчением произнёс Лем. — Но чудом уцелел. Помоги-ка мне его перевязать.

— Конечно, помогу, — выдохнула Колумбина. — Я часто это делала… но никогда с Пронто. Ох, я испугалась, что его забодал бык.

— Чуть не забодал, — мрачно ответил Лем. — И если бы не такая верховая езда, какую не каждый день увидишь, этот проклятый техасский бык добрался бы до него.

— Кто же скакал? Ты, Лем? О, я никогда не сумею отблагодарить тебя!

— К сожалению, не я.

— А кто же?

— Уилс. И он взял с меня слово ничего тебе не рассказывать. Во всяком случае, о нём самом.

— Уилс! Он спас Пронто? И не хотел, чтобы я узнала? Лем, что-то случилось. Ты сам на себя не похож.

— Мисс Колли, я почти с ног валюсь, — устало ответил Лем. — Закончу перевязку и прямо с лошади свалюсь.

— Но ты ведь сейчас на земле, Лем, — нервно рассмеялась Колумбина. — Что произошло?

— Ты слышала про утреннюю ссору?

— Нет. Какую? Между кем?

— Спроси старого Билла. А с Пронто вот что вышло. Бастер Джек приехал туда, где мы клеймили скот, и перескочил верхом через изгородь на пастбище. С собой у него было лассо. Принялся гонять лошадей, и среди них оказался Пронто. Каким-то чудом этот негодяй всё-таки набросил петлю ему на голову. Но удержать не смог — или не захотел. Пронто вырвался и перепрыгнул изгородь. Пока ничего страшного не случилось. Да только за ним погнался один из самых злых быков. Пронто побежал, наступил на волочившуюся верёвку и упал. Огромный бык едва не налетел на него. Тут Пронто показал такую прыть, какой прежде никто не видывал. Перепугался он до смерти. Но понёсся по каменистой земле и влетел прямо в сухой кустарник. Там, видно, и изрезался. А мы все были далеко. Бык с рёвом нёсся за Пронто. Уилс закричал, чтобы ему дали винтовку, да ни у кого её не оказалось. И револьвера тоже… Снова стану носить оружие. Ну вот, Уилсу пришлось скакать во весь опор, чтобы успеть спасти Пронто.

— Лем, это ещё не всё, — настойчиво сказала Колумбина, когда ковбой умолк. Она слишком хорошо знала жизнь ранчо, чтобы поверить, будто один только рассказ о Пронто мог сделать Лема таким холодным, мрачным и уклончивым. Женское чутьё подсказывало ей, что произошло несчастье.

— Нет… Лошадь Уилса упала на него, — выпалил Лем с обычной ковбойской прямотой.

— Он ранен? Лем! — вскрикнула Колумбина.

— Мисс Колли, — укоризненно сказал Лем, — мы ведь твою лошадь лечим. Незачем всё бросать и хватать меня за руки. Ты белая как полотно. Для ковбоя не такая уж редкость, когда на него падает лошадь.

— Лем Биллингс, я возненавижу тебя, если ты сейчас же не расскажешь всё! — сверкнула глазами Колумбина.

— Ага! Так вот оно что, — проницательно отозвался Лем. — Ну, мне жаль говорить тебе, но Уилс сильно пострадал. Хотя нет, не так уж страшно! Лошадь упала ему на ногу и сломала её. Я разрезал сапог. Ступня была совсем раздроблена. Но других повреждений не было, честное слово! Его везут в Кремлинг.

— Ах! — тихий вскрик Колумбины прозвучал для неё так странно, словно его издала какая-то другая женщина.

— Дважды сегодня Бастер Джек натворил бед, — задумчиво заключил Лем. — Мисс Колли, я не знаю, как ты относишься к этому человеку, но ради твоего же блага скажу: добра

от него не жди. У него отцовский нрав: вспыхивает из-за пустяка, а обуздывать себя не привык. Хуже того, он избалован и ведёт себя, как жеребёнок, наевшийся дурман-травы. Надо же было вздумать ловить Пронто лассо прямо возле стада! Можно подумать, он только вчера приехал на Запад. Старый Билл вовсе не дурак. Но когда смотрит на сына, словно шоры надевает. Предсказываю тяжёлые времена для ранчо Уайт-Слайдс.

Глава IV

Лишь один человек в Микере, казалось, заинтересовался известием о том, что скотовод Билл Беллаундс нанимает работников. Это был невысокий, измождённый с виду человек, по которому трудно было определить возраст. Он назвался Бентом Уэйдом. В Микер он прибыл с двумя жалкими лошадьми и вьюком.

— Откуда путь держишь? — спросил хозяин постоялого двора, заметив, что Уэйд прежде позаботился о лошадях и лишь потом вспомнил о себе. Вопрос пришлось повторить.

— Из Крипл-Крика. Готовил еду старателям, а в свободное время сам промывал золото, — ответил Уэйд.

— Гм! За такую работу, небось, платили получше, чем за любую здешнюю.

— Да, платили много, — со вздохом сказал Уэйд.

— Чего ж ушёл?

— Из-за прииска вышла драка, и я один остался в живых. Сейчас расскажу… — Уэйд сел на ящик, снял старое сомбреро и заговорил. К ним подошёл праздношатающийся зевака, привлечённый чем-то в рассказчике. Затем остановился проходивший мимо рудокоп и тоже присоединился к слушателям.

Вскоре подошёл старый Кемп, старейший житель посёлка, и стал внимательно слушать. Казалось, Уэйд обладал странной притягательной силой и умел завораживать словом.

Он был невелик ростом, но жилист и крепок. Одежда его была старой, грязной и поношенной. Сняв широкополую шляпу, он открыл необыкновенное лицо: бледное, гладко выбритое, если не считать свисавших усов, с каплями пота на высоком широком лбу. Щёки его впали, огромный нос резко выдавался вперёд, а глубоко посаженные глаза прятались под густыми бровями. Но поразительными были не сами черты. Почти незримые длинные складки страдания, тень тайны и мрака в тёмных запавших глазах, печальное соответствие между лицом и его выражением — всё это оставило на нём следы пережитого, которые не укрылись бы от внимательного взгляда.

Уэйд поведал страшную историю о золоте, крови и смерти. Рассказ словно принёс ему облегчение. Лицо его изменилось, утратило трагический отсвет и мучительную напряжённость.

Слушатели в изумлении качали головами. В Колорадо суровые истории никого не удивляли, но эта была необыкновенной. Двое молча ушли. Старый Кемп прищурился и смотрел на незнакомца так, словно смутно его узнавал.

— Ну и ну! — воскликнул хозяин. — Чего только на свете не бывает!.. Послушай, незнакомец, поставишь лошадей да останешься у нас?

— Я работу ищу, — ответил Уэйд.

Тут и вспомнили, что Беллаундс присылал в Микер за работниками.

— Старый Билл Беллаундс, который поселился в Мидл-Парке и подружился с ютами, — произнёс Уэйд так, словно был совершенно уверен в сказанном.

— Точно, это он. Ты его знаешь?

— Видел однажды, лет двадцать назад.

— Бывал в Мидл-Парке? У Беллаундса там ранчо, — спросил хозяин.

— Он теперь не в Парке живёт, — вмешался Кемп. — Последние лет восемь или десять, кажется, в Уайт-Слайдс. Это за хребтом Гор.

— Я все те места исходил, когда искал золото, — сказал Уэйд.

— Ну, красивый уголок Колорадо. Там сенокосы да скот разводят — для зерновых слишком высоко. Так ты говоришь, через Парк проходил?

— Однажды… очень давно, — ответил Уэйд, устремив свои огромные, глубоко запавшие глаза в пустоту. Какое-то воспоминание о Мидл-Парке не давало ему покоя.

— Ну, тогда плохого я тебе не посоветую, — сказал хозяин. — Мне те места нравятся, хотя не всем по душе. Если умеешь готовить, водить вьючных лошадей, пасти скот или вообще хоть что-нибудь делать, у старого Билла найдётся тебе койка. Слыхал, больше всего ему нужен охотник. Львы да волки совсем одолели! Охотиться умеешь?

— А? — переспросил Уэйд рассеянно, подставляя ухо. — На одно ухо я глух.

— С собаками и ружьём хорошо управляешься? — крикнул собеседник.

— Более или менее, — ответил Уэйд.

— Тогда работу наверняка получишь.

— Пойду к нему. Большое спасибо.

— Не за что. Я и Беллаундсу услугу окажу. Ночевать-то здесь останешься?

— Я всегда ночую под открытым небом. Но корм для лошадей и припасы у тебя куплю, — ответил Уэйд и повернулся к своим лошадям.

Старый Кемп побрёл по дороге, покачивая седой головой, словно боролся с ускользающим воспоминанием. Час спустя, когда Бент Уэйд выезжал из города, он окликнул Кемпа. Старожил вдруг хлопнул себя по бедру: «Чёрт возьми! Ведь я же встречал его прежде!»

Позднее он взволнованно сообщил своему приятелю, хозяину постоялого двора:

— Это был Бент Уэйд!

— Так он мне и сказал, — ответил хозяин.

— Да разве ты о нём не слыхал? О Бенте Уэйде?

— Теперь, когда ты спрашиваешь, имя будто знакомое. Только никак не вспомню. Я сразу понял, что он человек непростой. Надеюсь, я не послал к старому Биллу какого-нибудь стрелка или разбойника. Кто он такой?

— Его зовут Адский Бент Уэйд. Я видел его в Вайоминге, когда он правил почтовым дилижансом. Но кто он и что за человек, узнал лишь много лет спустя. Случилось мне тогда попасть в Боулдер. Уэйд лежал там весь израненный, а выхаживал его Сэм Коулз. Сэм теперь умер. Он был давним другом Уэйда и хорошо его знал. Думаю, я тогда услышал о нём всё, что вообще кто-либо знал. По словам Коулза, этот Адский Бент был человеком странным и удивительным. У него были поразительные способности: за что ни возьмётся — всё сделает лучше других. А уж с оружием был страшен! Нигде подолгу не задерживался. Сам неприятностей не искал, но они шли за ним следом. Коулз говорил, что Уэйд верил в одну странную вещь: будто ему никак не избавиться от беды. Куда бы он ни отправился, везде его настигал сущий ад. Потому его и прозвали Адским Бентом… А Коулз клялся, что честнее человека ему встречать не доводилось. Сердце у него золотое, говорил он. Вечно кого-нибудь спасал, кому-нибудь помогал, отдавал деньги и время — о себе вовсе не думал… Когда он начал рассказывать про Крипл-Крик, у меня от воспоминаний даже голова разболелась. Я ведь уже слышал рассказы Бента Уэйда. Точно такие же, только ещё страшнее. Господи, чего только этот человек не пережил! А самое странное — его убеждение, будто ад идёт за ним по пятам и, где бы он ни скитался, непременно его настигает. И всякий раз находится человек, которому суждено выслушать его историю!

На закате Бент Уэйд был уже далеко вверх по долине Уайт-Ривер, под тенью гор Флэт-Топ. Край был прекрасен. Слева поднимались травянистые холмы с разноцветными осиновыми рощами. За шумной рекой тянулся на многие мили склон, поросший чёрными елями; над ним возвышались обнажённые красно-серые стены гор, великолепные в лучах заходящего солнца. В укромных впадинах белели пятна снега. Дольше всего взгляд Уэйда задерживался на окрашенных закатом вершинах.

Постепенно узкая долина расширилась и превратилась в просторную луговину, в дальнем конце которой стояла бревенчатая хижина. На огороженном пастбище паслись несколько

коров и лошадей. Тропа проходила мимо дома. Когда Уэйд подъехал, из двери вышел косматый человек с ружьём в руках. Возможно, он собирался на охоту, но смотрел на всадника с настороженностью одинокого поселенца в диком краю.

— Здорово, незнакомец! — сказал он.

— Добрый вечер, — ответил Уэйд. — Ты, должно быть, Блэр? И я уже близко к верховьям реки?

— Верно. До озера Трапперс мили три.

— Меня зовут Уэйд. Еду через горы наниматься к Биллу Беллаундсу.

— Слезай с коня да заходи, — пригласил Блэр. — Человек от Билла останавливался у меня некоторое время назад.

— Благодарю, но я поеду дальше, — ответил Уэйд. — Не найдётся ли у тебя куска оленины? По дороге вверх по долине дичи почти не попадалось.

— Выше полно оленей и вапити. Сегодня утром я выгнал со своего пастбища целое стадо — голов тридцать, не меньше.

Блэр подошёл к открытому сараю и вернулся с половиной оленьего окорока, которую привязал к вьючной лошади Уэйда.

— Моя старуха хворает. Табачку у тебя случайно не найдётся?

— Конечно, найдётся — и курительный, и жевательный. Жевательного могу дать побольше: мне самого малого кусочка надолго хватает.

— Тогда дай и того и другого, только жевательного побольше, — с явным удовольствием ответил Блэр.

— Ты знаком с Беллаундсом? — спросил Уэйд, протягивая табак.

— А как же! Билла здесь все знают. Во всех этих горах лучшего хозяина не сыщешь.

— Семья у него есть?

— Этого точно не скажу, — ответил Блэр. — Слыхал, жена его умерла много лет назад. Может, он снова женился. Но Билл уже немолод.

— Бывай, Блэр, — сказал Уэйд, взяв поводья.

— Счастливого пути и удачи! Держись правой тропы. И лучше прибавь ходу, если хочешь устроиться на ночлег засветло.

Вскоре Уэйд въехал в еловый лес. Затем перед ним показалась неглубокая, шумная река. Лошади напились воды, которая пенилась у их колен белыми и янтарными струями, и, плескаясь и тяжело ступая по скользким камням, перешли её вброд. Едва они выбрались на тропу, как стайка куропаток с шумом вспорхнула на нижние ветви елей. Птицы совсем не боялись людей.

— Первые птицы, которых я вижу этой осенью, — сказал Уэйд. — Пожалуй, теперь хоть каждый день смогу варить похлёбку из дичи.

Он остановил лошадь и уже собрался спешиться, но, продолжая смотреть на куропаток, заколебался.

— Совсем ручные, как куры. И до чего же хороши!

Он поехал дальше, ведя за собой вьючную лошадь.

Тропа не была крутой, хотя местами её размыло водой, и потому двигаться ровной рысью не удавалось.

По мере продвижения лес становился всё гуще и темнее. Воздух наполнялся ароматом сосен и елей.

До слуха путника доносился глухой, убаюкивающий шум воды, бегущей по камням. Иногда он затихал вдали, затем снова усиливался.

Вскоре впереди посветлело, и Уэйд выехал из лесной тени на просторную поляну.

Зелёный мох, болотные ирисы и цветы окружали удивительный природный водоём, питаемый подземным источником.

Лучи заходящего солнца проникали между деревьями и окрашивали широкую круглую заводь.

У берегов вода была мелкой, а посередине виднелась большая глубокая зелёная впадина, откуда с силой поднимались подземные струи.

Форель охотилась за мошкарой и играла у поверхности. Некоторые крупные рыбы, стремительно уходя на глубину, оставляли за собой расходящиеся следы.

Уэйд умел ценить подобную красоту.

Дольше всего его взгляд задерживался на цветах.

— Вот где моё место — среди диких лесов, — проговорил он, когда прохладный ветер коснулся его щёк, а терпкий запах хвои защекотал ноздри. — Только, похоже, именно в таких безлюдных, тихих местах прошлое преследует меня сильнее всего.

Бент Уэйд действительно выглядел человеком, которого преследуют воспоминания.

Возможно, признанное им самим ощущение было частью его тайны.

Когда он снова выехал на открытое место, уже наступали сумерки.

Перед ним лежало озеро Трапперс — прекрасная водная гладь, отражавшая чёрные склоны, окаймлённые елями берега и плоские горные вершины.

По всей серой, смягчённой вечерним светом поверхности воды то и дело расходились круги, появлялись завихрения и всплески: бесчисленные форели поднимались к поверхности.

Тропа проходила по открытым травянистым берегам. Кое-где к озеру спускались одинокие сосны, а группы елей темнели на фоне светлеющей воды.

Уэйд услышал резкий стук копыт о камни и понял, что вспугнул оленей на водопое.

Затем до него донёсся звонкий удар рогов о ветку дерева. Несомненно, какой-то вапити поспешно уходил в лес.

На противоположном берегу озера виднелись костёр и светлый остроконечный предмет — палатка зверолова или индейский вигвам.

Выбрав место для ночлега, Уэйд расседлал верховую лошадь, снял поклажу со второй, стреножил обеих и отпустил пастись.

Свёрнутую постель, завёрнутую в брезент и перетянутую верёвками, он бросил под ель.

Затем раскрыл вьюки, обтянутые воловьей кожей, и разложил кухонную утварь и мешочки с припасами — большие и маленькие.

Все его движения были размеренными, но быстрыми, точными и привычными.

Он действовал машинально, не задумываясь над тем, что делает.

Потребовалось некоторое время, чтобы найти подходящее полено и расколоть его на дрова.

Когда костёр наконец разгорелся, уже наступила ночь. Растущее и всё более яркое пламя причудливо играло среди окружавших стоянку теней.

Крышку и сам чугунный котелок Уэйд поставил по отдельности на потрескивающий огонь.

Пока посуда нагревалась, он вымыл руки, замесил тесто для небольших лепёшек, нарезал мясо с оленьего окорока и поставил кипятиться воду.

Мясо он поджарил на раскалённых красных углях, затем переложил на чистые сосновые щепки и стал ждать, пока испечётся хлеб и закипит кофе.

Запах древесного дыма, душистого пара из котелков и еловой хвои смешивался в воздухе — острый, сладковатый, возбуждающий аппетит.

Уэйд с жадностью принялся за свою простую еду, испытывая удовлетворение человека, которому доводилось питаться гораздо хуже.

Насытившись, он вымыл посуду и убрал её вместе с мешочками с припасами.

После этого движения его стали менее быстрыми и ловкими.

Наступил час отдыха.

И всё же, как всякий человек, привыкший долгие годы жить под открытым небом, он огляделся в поисках ещё какого-нибудь дела.

Его взгляд остановился на оружии, лежавшем возле седла.

Винтовка системы Генри блестела. Её гладкая поверхность свидетельствовала о долгой службе и заботливом уходе.

Короткоствольным оружием служил револьвер «Кольт» сорок пятого калибра.

Он лежал в седельной кобуре.

Уэйд протёр винтовку руками, затем промасленной тряпкой, которую достал из чехла.

После этого подержал оружие у огня.

Днём его застал ливень, и оружие промокло.

Но когда он взялся за «Кольт», в его поведении проявилась едва уловимая и вместе с тем поразительная перемена.

Движения замедлились.

Во взгляде появилось нежелание даже прикасаться к револьверу.

Для него это была не просто вещь из стали, пороха и свинца.

Он тщательно высушил и протёр револьвер, но делал это без любви.

Затем убрал его.

Уэйд расстелил постель под елью.

Один конец брезента лёг на мягкий ковёр опавших иголок. Поверх него он разложил две овечьи шкуры, на которых привык спать, затем одеяла и накрыл всё вторым концом брезента.

На этом дневные хлопоты закончились.

Он закурил трубку и устроился возле костра, намереваясь немного посидеть и отдохнуть перед сном.

Тишина дикой природы окутала озеро и берега.

Однако вскоре эта тишина стала ещё ощутимее благодаря близким и далёким звукам — слабым, диким, одиноким.

Слышались негромкий гул падающей воды, плеск крошечных волн у берега, пение насекомых и унылое уханье сов.

— Билл Беллаундс... И ему нужен охотник, — задумчиво произнёс Бент Уэйд.

Его мрачные, проницательные глаза смотрели куда-то далеко сквозь красные угли.

— Такая работа мне подойдёт. Может, и удача переменится. Жить в лесу, подальше от людей... На такой работе я сумел бы задержаться надолго... Но если Уайт-Слайдс находится близко от старой тропы, я там не останусь.

Он вздохнул.

На его мертвенно-бледное лицо легла ещё более тёмная тень — не от колеблющегося пламени.

Восемнадцать лет назад он прогнал от себя любимую женщину, заставил её уйти в большой мир с маленькой дочерью на руках.

И с тех пор не было ни одного вечера у костра, когда бы эта давняя мука не возвращалась к нему.

Ревнивый глупец!

Слишком поздно он понял свою роковую ошибку.

Тогда начались долгие поиски по всему Колорадо.

Они завершились менее чем в сотне миль отсюда, по другую сторону диких гор, где теперь Уэйд сидел один возле костра.

И закончились эти поиски известием о том, что индейцы уничтожили караван переселенцев.

В этом и заключалась тайна Бента Уэйда.

Никакие земные страдания не могли быть жесточе его мук и раскаяния, сопровождавших долгие годы бесконечных скитаний.

Даже добро, которое он пытался творить, словно порождало зло.

Мудрость, приобретённая страданиями, открывала новые пропасти перед его блуждающими ногами.

Жестокость мужчин и страсти женщин с какой-то невероятной роковой неизбежностью словно дожидались часа, когда случай приведёт его в их жизнь.

Он трудился, отдавал, сражался, жертвовал собой, убивал, терпел страдания ради людей, перед которыми когда-то, в своей неистовой молодости, совершил предательство.

Но все его величайшие и бесконечные усилия исправить прошлое, искупить вину, отдать собственную жизнь, обрести Бога — всё это, как казалось Уэйду в минуты отчаяния, приносило ему лишь новые мучения.

И хотя мысли и чувства его менялись, колебались, блуждали, память сохраняла одну неизменную картину.

Женщина — прекрасная и нежная.

Глаза удивительного, не поддающегося описанию голубого цвета.

Лицо белое, словно цветок.

— Моей малышке было бы сейчас... дай подумать... почти девятнадцать лет, если бы она осталась жива, — произнёс он. — Наверное, выросла бы высокой девушкой, похожей на мать... Странно: чем старше становлюсь, тем лучше всё помню!

Ночной ветер стонал в елях.

По небу быстро неслись тёмные облака, закрывая яркие звёзды.

Оттуда, где вода вытекала из озера, доносился непрерывный низкий гул.

Костёр мерцал и постепенно угасал. Искры уже не взлетали в черноту, а красные угли то разгорались, то бледнели, тихо потрескивая.

Наконец Уэйд поднялся и приготовился ко сну.

Он откинул брезент и одеяла, положил рядом винтовку так, чтобы можно было укрыть её от непогоды.

Куртка послужила ему подушкой, а под неё он сунул револьвер.

Затем снял сапоги, забрался под одеяла, не раздеваясь, и, подобно всем людям, привыкшим к жизни под открытым небом, сразу заснул.

Для Уэйда, как и для бесчисленных других людей, долгие годы скитавшихся по Западу, сон в одиночестве среди дикой природы таил и очарование, и опасность.

Но очарование ощущалось лишь смутно, а над опасностью такие люди обычно посмеивались.

Над неподвижной фигурой Бента Уэйда играли тени, покачивались еловые ветви, сыпались сосновые иголки.

С наступлением глубокой ночи ветер стонал всё громче.

Постепенно лошади перестали пастись и улеглись отдыхать.

Насекомые умолкли.

И над всем безлюдным пространством остался господствовать непрерывный шум воды.

Если дикие звери и проходили поблизости от стоянки Уэйда, они обходили её далеко стороной.

С восходом солнца Уэйд уже был в пути.

Он поднимался высоко над озером, направляясь к перевалу через горный хребет.

Шёл пешком, ведя лошадей по извилистой тропе, на которой виднелись следы недавних путников.

Хотя край был заселён редко, здесь всегда находились люди, переезжавшие из одного лагеря в другой или из одного городка в соседней долине в другой.

Уэйд никогда надолго не задерживался на оживлённых тропах.

По мере подъёма ели становились ниже.

Они уже не образовывали перед ним зелёного коридора, а затем превратились в низкорослые, искривлённые деревца и наконец исчезли совсем.

Вскоре он поднялся выше границы леса, на плосковершинный горный хребет.

В обе стороны земля поднималась и опускалась пологими волнами, лишённая деревьев и кустарников, но пёстрая от трав и цветов.

Высота здесь превышала одиннадцать тысяч футов.

По открытой равнине хлестал сильный ветер.

На востоке бледно сияло солнце, которое постепенно заслоняли серые облака.

Пошёл снег.

Сначала ветер гнал редкие хлопья, но вскоре снегопад усилился, и воздух наполнился густыми, пушистыми вихрями.

Уэйд ехал вдоль края горного обрыва, наблюдая, как прекрасная снежная буря опускается в коричневую бездну под ним.

Однажды, огибая выступ, он заметил горных баранов, прижавшихся друг к другу под защищавшим их скальным навесом.

Снежный шквал умчался прочь, словно отступающая стена, оставив траву и цветы мокрыми.

Когда тёмные облака разошлись, из синевы вновь выглянуло солнце, согревая землю.

Над чёрными лесистыми склонами возвышались серые вершины с белыми снежными пятнами.

Вскоре Уэйд пересёк плоский перевал и начал спуск.

Поначалу склон был каменистым и голым, но постепенно зелень завоёвывала всё больше пространства.

Холодные ветры и суровые высокогорные тропы остались позади.

Через час, когда Уэйд спустился примерно до середины склона, лес стал тёплым и сухим, наполнился ароматами и тишиной.

Наконец он выехал на край последней лесистой террасы над травянистой долиной.

Внизу под солнцем блестел извилистый ручей.

Пока лошади отдыхали, Уэйд оглядывал окрестности.

Природа никогда ему не надоедала.

Если он и находил где-нибудь покой, то только в безлюдных местах — среди величественных холмов, цветов и животных дикой, одинокой земли.

Несколько одиноких сосен отбрасывали тень на невысокий холм, возвышавшийся над долиной.

На открытых местах трава росла густо и пышно, но под деревьями её почти не было: плотный бурый ковёр опавшей хвои словно ревниво не допускал туда зелень.

Среди травы покачивались нежные бледно-голубые цветы водосбора. Их изящные соцветия доставляли Уэйду особенную радость.

Он любил цветы.

Прежде всего водосборы — гордость Колорадо. Затем многоцветные лиловые астры, яркие кисти кастиллеи, напоминающие раскрашенные кисточки, а после них — бесчисленные безымянные полевые цветы, украшавшие горные луга, расцвечивавшие траву в осиновых рощах и выглядывавшие из-под кромки снежников.

«Странно, как хорошо становится жить, когда смотришь на цветок водосбора, наблюдаешь за работой бобра или слушаешь трубный зов вапити!» — размышлял Бент Уэйд.

Он удивлялся тому, что после всего пережитого по-прежнему способен находить утешение в таких простых вещах.

Затем он продолжил путь.

Травянистая долина с извилистым ручьём постепенно спускалась и расширялась, оставляя далеко позади предгорья и высокие вершины.

За широкой равниной поднимался другой горный хребет, чёрный и отчётливый на фоне синего неба.

После полудня Уэйд добрался до Элджерии — небольшого посёлка, который, однако, имел немалое значение благодаря своему расположению на главной дороге почтовых дилижансов.

Здесь старатели и скотоводы покупали необходимые припасы.

В посёлке была всего одна улица, настолько широкая, что больше походила на площадь. Вдоль неё выстроились деревянные дома с высокими плоскими фасадами.

Уэйд направился к постоялому двору, служившему остановкой для дилижансов.

Он решил накормить лошадей, дать им отдохнуть и самому поесть, прежде чем продолжить дорогу.

Хозяйкой оказалась полная невысокая женщина с приятным лицом. Она была разговорчива, добродушна и радовалась появлению незнакомца скорее ради возможности побеседовать, чем в надежде заработать.

Хотя Уэйд прежде никогда не бывал в Элджерии, вскоре он уже знал почти всё о посёлке, о старателях, работавших в окрестных горах, и о важнейших местных событиях, которыми считались прибытие и отправление дилижансов.

— Процветающий городок, — заметил Уэйд. — Сразу видно. И должен бы расти дальше.

— Для меня он уже не такой прибыльный, как прежде, — ответила хозяйка. — Когда муж был жив, дела шли хорошо. Потом здесь появился конкурент. У него гостиница, где старатели могут пить и играть в карты. А у меня такого нет... Впрочем, жаловаться грех. На жизнь хватает.

— Кто держит другую гостиницу?

— Человек по фамилии Смит. Только, думаю, фамилия у него ненастоящая. Некоторые постояльцы кое-что о нём говорили... Да ладно, неважно.

— Люди иногда меняют фамилии, — заметил Уэйд.

— Вы здесь проездом или собираетесь остаться?

— Направляюсь на ранчо Уайт-Слайдс. Хочу наняться к Беллаундсу. Вы его знаете?

— Беллаундса? Я-то? Да он был моим лучшим другом, когда я жила в Кремлинге! Несколько лет мы там провели. У мужа был скот. Собственно, это Билл помог нам начать скотоводческое дело. Потом мы уехали сюда, Боб умер, а я так здесь и осталась.

— Все хорошо отзываются о Беллаундсе, — сказал Уэйд.

— Плохого слова о нём не услышите, — тепло ответила женщина. — У Билла был только один недостаток, да и за него люди его любили.

— Какой же?

— Есть у него непутёвый сын, и Билл считает, что на нём свет клином сошёлся. Бастер Джек — так его называют. Раньше он часто сюда приезжал. Потом Билл отправил его куда-то подальше. Мальчишку избаловали. Я ещё его мать видела, много лет назад. Давно уж она умерла. Не подходила она Биллу Беллаундсу в жёны. А Джек пошёл в неё. Билл был у той женщины в полном подчинении. Когда она умерла, всю свою огромную любовь он перенёс на сына. Вот и результат. Из Джека никогда ничего путного не выйдет.

Уэйд задумчиво кивнул, словно понимал её слова и одновременно размышлял о чём-то другом.

— Он единственный ребёнок?

— Есть ещё девушка, но Биллу она не родная. Он удочерил её совсем маленькой. А мать Джека ненавидела эту девочку. Мы думали, из ревности: боялась, что девочка вырастет и получит часть денег Билла.

— Как зовут девушку? — спросил Уэйд.

— Колумбина. Прошлым летом она приезжала сюда со старым Биллом. Они останавливались у меня. Именно тогда Билл крепко повздорил со Смитом, который держит гостиницу через дорогу. Смит пытался устроить мне какую-то неприятность, а Билл за меня вступился. Так вот, девушка эта — самая красивая из всех, кого я видела в Колорадо. И такая же добрая, как красивая. Старый Билл намекнул, что, вероятно, женит на ней своего Джека. А я возьми да скажи ему: если Джек не исправится, когда вернётся домой, такой брак принесёт Колумбине одни несчастья. Ох, как же Билл рассердился! Он и слова против Бастера Джека слышать не может.

— Колумбина Беллаундс, — задумчиво повторил Уэйд. — Необычное имя.

— Да что вы! Я знала трёх девушек по имени Колумбина. Разве вы не знаете такой цветок? В наших местах он повсюду растёт. Очень нежный, похож на лилию, только бледнее.

— Вы уже жили в Кремлинге, когда Беллаундс удочерил девочку? — спросил Уэйд.

— Господи, нет! Это было задолго до моего приезда в Мидл-Парк. Но я слышала всю историю. Младенца нашли золотоискатели высоко в горах. Наверное, девочка потерялась, когда отстала от каравана переселенцев, на который вскоре напали индейцы. Во всяком случае, так говорили старатели. Старый Билл взял ребёнка к себе и вырастил как родную дочь.

— Сколько ей теперь лет? — спросил Уэйд, и голос его странно изменился.

— Колумбине около девятнадцати.

Бент Уэйд слегка опустил голову, скрыв лицо под полями старой, помятой шляпы.

Добродушная хозяйка не заметила ни дрожи, пробежавшей по его телу, ни последовавшего за ней напряжения, ни мертвенной серости, покрывшей его лицо.

Она продолжала говорить, пока кто-то не позвал её.

Уэйд вышел на улицу.

Опустив голову, он прошёл через посёлок, пересёк небольшую речку и оказался среди зелёных пастбищ.

Он пытался справиться с поразительной мыслью.

Колумбина Беллаундс могла оказаться его собственной дочерью.

Сердце его подпрыгнуло от радости.

Но радость оказалась недолгой.

Нет, Бенту Уэйду не могло выпасть такого счастья!

И всё же это совпадение пробудило в его душе странное, почти пророческое ощущение: над ранчо Уайт-Слайдс надвигалась трагедия.

Уэйд обладал некоторой способностью предчувствовать события, словно ему был дан необыкновенный дар проникать сквозь завесу будущего.

Но вызвать это состояние по собственной воле он не мог.

Оно приходило само, неожиданно, подобно ночному вестнику беды.

И ещё ни разу ему не удалось избавиться от притягательной силы такого предчувствия.

Оно манило его вперёд.

Он всегда принимал одно и то же решение: идти навстречу грозящему несчастью или остаться там, где оно должно было произойти, надеясь принять на собственные плечи хотя бы часть чужого бремени.

И теперь, в мгновение особенно острого, болезненного прозрения, он почувствовал сложное переплетение судеб, в которое ему предстояло вмешаться.

Старый Билл Беллаундс — могучий, благородный человек, ставший жертвой собственной любви к непутёвому сыну.

Бастер Джек — расточитель, разрушитель, беспутный молодой человек, живущий в беспокойное время.

Колумбина — девушка неизвестного происхождения, добрая и преданная, поставленная в положение, которое неизбежно должно было погубить её.

Странный ум Уэйда перебирал сотни возможных исходов столкновения этих характеров.

Но ни один из них не совпадал с тем, что было предначертано судьбой.

Истинный исход оставался скрытым во мраке.

Никогда прежде он не чувствовал столь властного зова из неизвестности.

И никогда любопытство не охватывало его с такой силой.

Надежда давно умерла в его душе.

Сохранилась лишь одна: когда-нибудь каким-либо образом искупить зло, причинённое жене.

Поэтому приступы волнения, которые вновь и вновь охватывали его вопреки рассудку и горькому опыту, он не воспринимал как остатки надежды.

Уэйд отрицал в себе всё человеческое.

Но при одной мысли о встрече с Колумбиной Беллаундс его охватывала дрожь.

Здесь скрывалось нечто, чего он не мог постичь.

— А ведь это... может оказаться правдой! — прошептал он. — Я узнаю, когда увижу её.

Затем он повернул обратно к постоялому двору.

По дороге он заглянул в питейный зал гостиницы, принадлежавшей Смиту.

Это было заведение весьма сомнительного вида, наполовину заполненное праздными мужчинами, чьи лица для Бента Уэйда были словно раскрытые книги.

Не одно только любопытство заставило его задержаться у двери в ожидании хозяина.

Где-нибудь и когда-нибудь Уэйд встречал почти всех старожилов западного Колорадо.

Слишком много ему довелось странствовать!

Но когда появился Смит — грузный мужчина с безобразным шрамом возле одного глаза, — Уэйд понял, почему захотел его увидеть.

Он узнал Смита.

Узнал и шрам.

Ведь этот шрам оставил ему сам Уэйд.

Настоящая фамилия человека была вовсе не Смит.

Он был столь же дурным человеком, сколь отталкивающей была его внешность, а скитальческая жизнь объяснялась отнюдь не раскаянием и не любовью к путешествиям.

Уэйд прошёл мимо незамеченным.

Эта встреча значила для него гораздо меньше, чем значила бы десять лет назад.

Теперь он уже не принадлежал к людям, которые разыскивают старых врагов ради мести или прилагают огромные усилия, чтобы избежать встречи с ними.

В Колорадо ещё оставались люди, готовые выстрелить в него при первой встрече.

И не один из тех, кто уже стрелял в Уэйда, дорого за это заплатил.

В ту ночь Уэйд разбил лагерь в предгорьях к востоку от Элджерии.

На следующее утро, с восходом солнца, его лошади уже пробирались сквозь покрытые инеем траву и папоротники лесистого хребта.

Он пересёк его, спустился в долину, где одиноко приютилась хижина, и последовал по старой тропе с зарубками на деревьях, тянувшейся вдоль ручья.

Вода была настолько прозрачной и золотистой, что камни, песок и мох на дне казались сделанными из золота.

Ни следов, ни других признаков присутствия дичи он не обнаружил.

Время от времени серая сойка резким криком предупреждала невидимых лесных обитателей о приближении человека.

Ручей журчал рядом, перекатываясь через покрытые мхом уступы под тёмной сенью елей.

Чем ближе Уэйд подходил к истокам, тем меньше становился поток.

Наконец ручей исчез в низине, заросшей высокой жёсткой травой, а тропа с зарубками продолжилась среди густого соснового леса.

К полудню Уэйд достиг водораздельного гребня.

Остановившись на открытом скалистом возвышении, он посмотрел вниз, на зелёно-чёрный лес, постепенно спускавшийся к огромной неровной горной поляне.

Именно там он намеревался провести следующую ночь.

Уэйду требовалось мясо.

Поэтому, продолжая путь, он внимательно высматривал оленей, особенно после того, как заметил свежие следы, пересекавшие тропу.

Он спешился и бесшумно пошёл впереди лошадей.

Те следовали за ним почти вплотную, мешая незаметно подкрасться к дичи.

Всю дорогу до просторной поляны он пытался охотиться, но так ни разу и не представилось возможности выстрелить.

Поляна простиралась на многие мили в длину и ширину.

Её покрывала высокая, колышущаяся трава, а длинные неровные ответвления уходили в окружающий лес.

Поверхность плавно понижалась к центру, где округлый участок особенно зелёной травы обещал наличие воды.

Уэйд направился туда, держась немного правее, поскольку хотел расположиться на ночлег у опушки.

Вскоре он миновал один из выступавших в поляну лесных мысов и увидел, что в этом направлении открытое пространство становится ещё шире.

Вдали паслись лошади вместе с вапити.

А ещё дальше, у узкого прохода, где поляна, по-видимому, переходила в тесную долину, он заметил чёрные, горбатые, косматые фигуры бизонов.

Они скрылись из виду.

Затем вапити увидели или почуяли путника и побежали прочь, причём рогатые самцы оказались впереди самок.

Уэйд задумался, дикие ли эти лошади.

Они проявляли большое любопытство, но совершенно не боялись.

За ними поднимался покрытый соснами участок земли, возвышавшийся над лесом и с ближней, и с дальней стороны.

Проехав ещё около мили, Уэйд убедился, что эта лесистая возвышенность напоминает остров посреди озера.

Вскоре над верхушками деревьев показался дым.

Из зелёной середины поляны вытекал крошечный ручей. Извиваясь, он проходил неподалёку от соснового острова.

Вдоль ручья Уэйд заметил несомненные следы поисков золота, а ниже по течению, там, где он пересёк воду, обнаружил отпечатки, оставленные в тот же день.

Возвышенный участок занимал несколько акров и был покрыт невысокими соснами.

На дальнем краю стояла маленькая бревенчатая хижина.

Уэйд рассчитывал застать одинокого старателя за вечерней трапезой.

Когда он подъехал, из хижины выскочила собака и принялась яростно лаять.

Следом появился мужчина в кожаной одежде с бахромой.

Он был высокого роста, а длинные, седые с проседью волосы спадали ему на плечи.

Загорелое, обветренное лицо покрывали тонкие морщины, видневшиеся всюду, где их не скрывали седые волосы.

Здоровый румянец и открытое выражение лица говорили о честном, бесстрашном характере.

— Здорово, незнакомец! — окликнул он Уэйда, остановившегося в нескольких десятках шагов.

Приветствие нельзя было назвать радушным, но оно было вежливым.

А пристальный, проницательный взгляд хозяина хижины говорил гораздо больше, чем его слова.

— Добрый вечер, приятель, — ответил Уэйд. — Можно мне здесь расположиться с поклажей?

— Конечно. Слезай. Не припомню, чтобы видел тебя в наших местах.

— Нет, я здесь впервые. Меня зовут Бент Уэйд. Еду на Уайт-Слайдс, хочу наняться к Беллаундсу.

— Рад познакомиться. Я и сам здесь недавно, но Беллаундса знаю. Фамилия моя Льюис. Как раз ужин готовил. Если не потороплюсь, всё сгорит. Отпусти лошадей пастись и заходи.

На этот раз Уэйд действовал с большей поспешностью, чем обычно.

Он почувствовал запах жареного бизоньего мяса и был голоден.

Хижину построили много лет назад, и теперь она представляла собой довольно ветхое убежище.

Однако каменный очаг сохранился хорошо.

На нём ярко светились и потрескивали раскалённые красные угли.

— Так я и думал, что пахнет бизоньим мясом, — с большим удовольствием заметил Уэйд. — Давно уже не доводилось его пробовать.

— Всё готово. Принимайся за еду... Да, бизоны здесь ещё остались. На них почти не охотятся. Вапити много, и целые стада оленей. После небольшого снегопада кажется, будто вокруг прошла огромная отара овец — столько следов. И медведи водятся.

Пока Уэйд наслаждался ужином, он не тратил слов попусту.

Позднее, помогая хозяину, он снова заговорил о диких животных.

— Если здесь столько оленей, значит, есть и пумы с волками.

— Ещё бы! Следы вижу каждый день.

— Ещё бы! Следы вижу каждый день. Не так давно стрелял в одного бродягу-хищника, да промахнулся. Но, думаю, в краю Траблсом, за Уайт-Слайдс, этой нечисти ещё больше.

— Траблсом! Неужели его так и называют? — спросил Уэйд со странной улыбкой.

— Именно. И хлопот там хватает. Беллаундс пытался нанять охотника. Предлагал большие деньги за истребление волков и пум.

— Вот на эту работу я и собираюсь наняться.

— Отлично! — воскликнул Льюис. — Очень рад. Беллаундс — хороший человек. Мне даже было немного неловко, пока я не признался ему, что на самом деле никакой я не охотник. Видишь ли, я здесь золото ищу, а охотником только притворяюсь.

— Зачем же тебе это притворство? — спросил Уэйд.

— Человека, который хоть раз занимался поисками золота, тебе всё равно не обмануть. Я видел здесь следы твоих работ.

— Ну, значит, глаз у тебя острый, вот и всё. Уэйд, есть у меня здесь кое-какие нежелательные соседи. И я предпочёл бы, чтобы они не видели, как я копаю золото. В последнее время у меня появилось подозрение, что они воруют скот. Во всяком случае, в Кремлинге они продавали животных, пригнанных откуда-то из окрестностей Элджерии.

— Где есть скот, там непременно найдутся и воры, — заметил Уэйд.

— Только ты ничего не говори Беллаундсу. Может, я ошибаюсь. А если выясню, что прав, сам спущусь на Уайт-Слайдс и расскажу ему. Беллаундс оказал мне несколько услуг.

— Далеко отсюда до Уайт-Слайдс? — спросил Уэйд, попыхивая трубкой.

— Тропа идёт кружным путём, местами тяжёлая, но за день доберёшься без труда. Край прекрасный. Открытые пространства, огромные вершины и хребты, долины и озёра. Такой травы я нигде не видел!

— А сына Беллаундса ты встречал?

— Нет. Даже не знал, что у него есть сын. Зато в первый же день увидел его девушку. Она была очень добра ко мне. Я приехал туда, чтобы мне оказали помощь. Чуть не отрубил себе кисть. Девушка — её зовут Колумбина — перевязала меня. По правде говоря, я многим обязан ранчо Уайт-Слайдс. Один ковбой, Уилс как-то там, даже привёз мне сюда лекарство, которого у них не оказалось, когда я был на ранчо. Тебе этот парень понравится. Я заметил, что он влюблён в девушку, и, конечно, ничуть его не виню.

Бент Уэйд вынул трубку изо рта и странно рассмеялся. В его смехе прозвучала мрачная нотка подтверждения какой-то собственной мысли.

— Что тут смешного? — удивлённо спросил Льюис.

— Просто рассмеялся, — ответил Уэйд. — То, что ты сказал о влюблённом ковбое, пришло мне в голову ещё до твоих слов. Что ж, молодость есть молодость. Я и сам когда-то был молодым, и у меня было своё время.

Льюис хмыкнул, наклонился за красным угольком, чтобы раскурить трубку, а когда поднял голову, посмотрел на гостя с сочувственным любопытством.

— Надеюсь, мы ещё увидимся, — сказал он, заметив, что Уэйд поднялся, явно собираясь уходить.

— Думаю, увидимся. Я ведь буду гонять гончих по всей округе. Да и на тех твоих соседей, которых ты подозреваешь в краже скота, хочу взглянуть... Пойду спать. Спокойной ночи.

Глава V

Бент Уэйд выехал из леса и увидел раскинувшийся внизу край Уайт-Слайдс в тот час, когда он был особенно прекрасен.

— Ничего подобного в жизни не видел! — воскликнул он, останавливая лошадь.

Наступал закат.

Золотые лучи и длинные тени протянулись перед ним по волнистым холмам, покрытым полынью. Розовые и серые оттенки сливались в удивительно мягкую, богатую гамму.

Осиновые рощи стояли поодаль одна от другой. Одни венчали вершины холмов пылающей желтизной, другие окаймляли их склоны сверкающим золотом, а ниже по долине отражали солнечный свет ярко-красными и пурпурными красками.

Казалось, вся долина была наполнена тонкой дымкой, почти похожей на дым.

Самого ранчо Уайт-Слайдс видно не было: оно располагалось в низине.

Старая серая вершина гордо и одиноко возвышалась над окрестностями. Её чёткие очертания, озарённые закатом, выделялись на синем небе.

Восточный склон долины представлял собой необъятный простор полынных зарослей, холмов, травянистых террас и осиновых рощ. Всё пылало осенними красками, словно расплавленными последними вспышками солнечного света.

Огромные чёрные лесистые склоны резко контрастировали с этим великолепием и поднимались к красным скальным стенам горного хребта.

Уэйд смотрел на открывшуюся картину, пока огненные краски не начали угасать, золотые лучи не побледнели и не исчезли, а розовое сияние полыни не сменилось холодным стальным серым цветом.

Только тогда он направил лошадь вниз, к предгорьям.

Тропа то поднималась, то опускалась по полынным склонам.

По мере спуска трава становилась всё гуще.

Однажды Уэйд вспугнул огромную стаю степных куропаток — крупных серых птиц, тяжеловатых на вид, но быстрых в полёте. С шумом взлетев, они вскоре снова опустились в полынные заросли.

Сумерки застали его на последнем длинном склоне предгорий, откуда открывался вид на пастбища долины.

До ранчо оставалось ещё пять миль. Теперь оно смутно проступало сквозь сгущавшиеся тени.

Уэйд разбил лагерь возле ручья, протекавшего неподалёку от осиновой рощи.

Он не испытывал желания торопить события, ожидавшие его на Уайт-Слайдс, хотя ему не терпелось увидеть девушку, которую воспитывал Беллаундс.

Ночь опустилась на тихие предгорья.

К стоянке Уэйда пришла бродячая стая койотов. Они уселись полукругом в тенях позади костра и принялись выть и лаять.

Но едва Уэйд улёгся и закрыл глаза, сон сомкнул его усталые веки.

На следующее утро, довольно поздно, Уэйд спустился к ранчо Уайт-Слайдс.

С первого взгляда оно показалось ему владением богатого скотовода, который продолжал придерживаться старых, проверенных обычаев своего поколения.

Загоны были новыми, но построенными по старинному образцу.

Уэйд подумал, что скотокрадам или конокрадам было бы нелегко вывести из них животных.

От пастбищ тянулась длинная дорога. Она шла вдоль ручья, протекавшего через загоны и мимо задней двери просторного, уютного на вид бревенчатого дома.

Ковбой вёл лошадей через широкую площадку между главным домом и группой небольших жилых построек и сараев.

Увидев приезжего, он остановился и стал ждать.

— Доброе утро, — сказал Уэйд, подъезжая ближе.

— И тебе доброго, — ответил ковбой.

Некоторое время оба молча разглядывали друг друга — не с любопытством и не с подозрением, а тем прямым, спокойным, оценивающим взглядом, который был обычен для людей Запада.

— Меня зовут Уэйд, — представился путешественник. — Приехал со стороны Микера. Ищу работу у Беллаундса.

— А я Лем Биллингс, — ответил ковбой. — Уже много лет работаю на Уайт-Слайдс. Думаю, хозяин с радостью тебя наймёт.

— Он сейчас здесь?

— Конечно. Только что его видел, — ответил Биллингс, привязывая лошадей к столбу. — Пожалуй, мне стоит тебя кое о чём предупредить.

— Буду благодарен.

— Видишь ли, работников у нас не хватает, — начал ковбой. — Только что закончили осенний сбор скота. Хадсон получил травму, а Уилс Мур теперь калека. Потом сына хозяина назначили управляющим. Трое парней уволились. Не смогли его терпеть. Этот сынок Беллаундса — тот ещё фрукт! Мы с приятелями, Монтаной и Бладсо, пока остаёмся... Ну, по причинам, которые не совсем связаны с любовью к хозяину. Хотя старый Билл — лучший из хозяев... Так вот, предупреждаю: если наймёшься сюда, придётся работать за двоих, а то и за троих.

— Большое спасибо, — ответил Уэйд. — Меня этим не испугаешь.

— Тогда слезай с коня и пойдём в дом, — сердечно предложил Биллингс.

Он провёл гостя через площадку, обогнул угол главного дома и поднялся на длинную веранду.

Расставленные здесь стулья и разложенные одеяла свидетельствовали о заботливой женской руке.

Первая дверь была открыта.

Из комнаты доносились голоса: сначала резкие, раздражённые жалобы молодого человека, затем глубокий, неторопливый, терпеливый ответ мужчины.

Лем Биллингс постучал по дверному косяку.

— Ну, чего надо? — раздался голос Беллаундса.

— Хозяин, тут человек хочет тебя видеть, — ответил Лем.

Послышались тяжёлые шаги, и дверной проём заполнила огромная фигура скотовода.

Уэйд узнал Беллаундса. За прошедшие годы тот лишь заметно поседел.

— Доброе утро, Лем! И тебе доброе утро, незнакомец! — приветствовал их хозяин.

Его смелый, открытый и проницательный взгляд голубых глаз, за которым стоял огромный опыт общения с людьми, мгновенно оценил Уэйда.

Лем тактично отошёл к дальнему концу веранды.

В дверях появилась ещё одна фигура — сын, похожий на отца, но смотревший на приезжего куда менее дружелюбно.

— Меня зовут Уэйд. Приехал со стороны Микера, надеюсь найти у вас работу, — сказал путешественник.

— Рад познакомиться, — ответил Беллаундс, протягивая ему огромную руку. — Работники мне очень нужны. Какое у тебя основное занятие?

— Пожалуй, могу взяться за любую работу.

— Садись, незнакомец, — предложил Беллаундс, пододвигая стул.

Сам он уселся на скамью и прислонился спиной к бревенчатой стене.

— Знаешь, когда какой-нибудь мальчишка приходит и заявляет, что умеет делать всё на свете, я только смеюсь: ха-ха! Но ты, Уэйд, взрослый мужчина, и видно, что жизнь повидал. А у меня сейчас большая нужда в работниках. Так что рассказывай о себе прямо. Никто за тебя этого не сделает. И помни: мы говорим о деле.

— Могу выполнять любую работу со скотом — от перегона бычков до лечения лошадей, — спокойно ответил Уэйд. — Неплохой плотник и каменщик. Хорошо умею укладывать вьюки. Разбираюсь в земледелии. Могу доить коров и сбивать масло. Во многих отрядах работал поваром. Умею читать и писать, неплохо считаю. Могу чинить сёдла и сбрую, а ещё...

— Постой! — закричал Беллаундс, от души рассмеявшись. — Я не собираюсь взваливать на человека непосильную ношу, как бы ни нуждался в помощи. Да ты, оказывается, мастер на все руки, какие только нужны на пастбищах! Вот бы ты ещё и охотником был.

— Я как раз собирался об этом сказать. Вы не дали мне закончить.

— Постой, ты разбираешься в гончих? — с жадным интересом спросил Беллаундс.

— Да. Я вырос там, где у каждого была своя свора. Родом я из Кентукки. И долгие годы время от времени охотился с гончими. Могу рассказать...

Но Беллаундс снова перебил его.

— Вот так удача! И последнее: с оружием умеешь обращаться? У нас на пастбищах, одному Богу известно сколько времени, не было хорошего стрелка. Раньше я сам попадал из винтовки точно в цель. Теперь глаза уже не те. А мой сын не попадёт даже в целую стаю стогов сена. Ковбои стреляют почти так же плохо. Иногда прямо здесь, где вапити можно было бы палкой убить, мы остаёмся без свежего мяса.

— Да, с оружием обращаться умею, — ответил Уэйд с тихой улыбкой, слегка опуская голову. — Полагаю, вы не расслышали мою фамилию.

— Ну... нет, не расслышал, — медленно ответил Беллаундс.

Он помолчал и посмотрел на гостя ещё внимательнее.

Вопрос Уэйда явно заставил его задуматься.

— Уэйд. Бент Уэйд, — отчётливо произнёс приезжий.

— Только не Неистовый Уэйд! — воскликнул Беллаундс.

— Он самый... Я не горжусь этим прозвищем, но никогда не скрываюсь под чужим именем.

— Чтоб меня черти побрали! — продолжал скотовод. — Уэйд, я много лет о тебе слышал. Кое-что плохое, но большей частью хорошее. И, думаю, рад познакомиться с тобой ничуть не меньше, чем если бы ты был кем-нибудь другим.

— Значит, дадите мне работу?

— Ещё бы!

— Благодарю вас. Признаться, я немного тревожился. Мне нелегко найти работу, а удержаться на ней ещё труднее.

— Ничего удивительного, если учесть, что, по слухам, сам ад следует за тобой по пятам, — сухо ответил Беллаундс. — Уэйд, не могу сказать, что очень уж верю таким россказням. Пятьдесят лет я прожил к западу от Миссури. Знаю Запад и знаю людей. Слухи летят от лагеря к ранчо, от приисков к городу, и каждый непременно что-нибудь к ним добавляет. Я доверяю собственному суждению и доверяю людям. Ещё никто меня не предал.

— Я тоже такой, — ответил Уэйд. — Хотя это и не приносит пользы. И всё-таки я продолжаю доверять... Беллаундс, по всему западному Колорадо обо мне ходят и дурные, и хорошие слухи. Но как мужчина мужчине я скажу вам: за всю жизнь я ни разу не совершил подлого поступка... Ни разу, кроме одного.

— И что же это было? — сурово спросил скотовод.

— Я убил невиновного человека, — ответил Уэйд дрожащими губами.

— И... довёл до гибели женщину, которую любил.

— Эх, все мы когда-нибудь совершаем ошибки, — поспешно сказал Беллаундс. — Я и сам совершил ошибку почти такую же страшную, как твоя, видит Бог!..

— Я расскажу вам...

— Ничего мне рассказывать не нужно, — в свою очередь перебил его Беллаундс. — Хотя когда-нибудь мне хотелось бы послушать о людях Ласселса на Ганнисоне. Я знал Ласселса. А один мой приятель из Мидл-Парка вернулся с Ганнисона и рассказал самую невероятную историю, какую мне доводилось слышать. Это было пять лет назад, летом. Конечно, твоё имя я знал и прежде, но тогда услышал его особенно часто. Ты оказался по уши замешан в той истории... Однако сейчас меня интересует другое. Есть ли хоть какой-нибудь смысл в разговорах о том, что повсюду, где ты появляешься, непременно разверзается ад?

— Беллаундс, смысла в этих разговорах нет, зато правды немало, — мрачно признался Уэйд.

— Вот как!.. Ну что ж, Неистовый Уэйд, я рискну тебя нанять, — прогремел глубокий голос скотовода, исполненный великодушной решимости. — Я всю жизнь рисковал. А лучшими моими друзьями стали люди, которым я когда-то помог... Какое жалованье ты хочешь?

— Сколько предложите, столько и возьму.

— Парням я плачу сорок долларов в месяц. Но для тебя этого маловато.

— Нет, вполне достаточно.

— Отлично, договорились, — заключил Беллаундс, поднимаясь.

Тут он заметил сына, стоявшего в дверях.

— Эй, Джек, пожми руку Бенту Уэйду. Он охотник и мастер на все руки. Уэйд, это мой сын. Я только что назначил его управляющим. И сразу скажу: распоряжения ты будешь получать от меня, а не от него.

Уэйд поднял глаза на Джека Беллаундса, ответил на его короткое приветствие и пожал вялую руку молодого человека.

От этого прикосновения по телу Уэйда пробежал странный холодок.

На лице молодого Беллаундса виднелся синяк, а во взгляде таилась угрюмая неприязнь.

— Попроси Биллингса показать тебе новую хижину и сараи, которые я недавно построил, — сказал хозяин. — Жить будешь в хижине... Да, знаю, такие люди, как ты, предпочитают спать под открытым небом. Но зимой под Старой Белой Лавиной так не переночуешь. Ни за что! Располагайся как дома. Я немного погодя подойду, и мы осмотрим моих собак. Увидишь эту свору — сам закричишь о помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.